

ИСТОРИЯ РУССКОЙ
МАФИИ

1995-2003

БОЛЬШАЯ КРЫША

ВАЛЕРИЙ КАРЫШЕВ

МФЛ

Валерий Михайлович Карышев История Русской мафии 1995-2003. Большая крыша

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174622
История русской мафии. 1995-2003 гг. Большая крыша: Эксмо; М.:; 2004
ISBN 5-699-04982-7*

Аннотация

С начала 1995 г. по Москве прокатилась череда заказных убийств. От пули киллера погибали журналисты, бизнесмены, банкиры, криминальные авторитеты, воры в законе. И весь этот беспредел происходил на фоне кровавых бандитских разборок между конкурирующими московскими группировками. После убийства известного тележурналиста Владислава Листьева активизировалась борьба органов правопорядка с оргпреступностью. Однако убийств меньше не стало. Но мало кто знает подробности громких преступлений, кроме следователей и адвокатов.

Известный адвокат Валерий Карышев – непосредственный участник многих громких процессов, ему приходилось защищать известнейших криминальных авторитетов, он знает о криминале все. В своей книге он исследует причины возникновения мафии в России и смотрит на эту проблему изнутри...

Содержание

Год 1995	4
Криминальный расклад	4
Убийство Листьева	5
Указ по борьбе с организованной преступностью	6
Криминальная хроника	7
Апрель	8
Смерть Мансура	10
Криминальная хроника	13
Криминальная хроника	14
Секретный клиент	15
Побег Солоника	27
Арест Япончика	33
Из американских газет	34
Криминальная хроника, август	35
Из материалов уголовного дела	36
Операция «Закат»	37
Итог операции «Закат»	39
Хроника криминальной жизни	40
Братва, не стреляйте друг в друга!	41
Криминальная хроника	42
Криминальный расклад	43
Год 1996	44
Авторитеты	44
Наум	46
Изменения в криминальной жизни. Легализация	47
Банкир	48
Новый начальник МУРа	56
Криминальная хроника	57
Президентские выборы и криминал	59
Депутатские крыши и корочки	64
Депутат	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Валерий Карышев

История русской мафии. 1995 —2003 гг. Большая крыша

Год 1995

Криминальный расклад

В 1995 году в Москве уже действовали 27 славянских группировок и 7 этнических сообществ. Из славянских 7 – иногородних, 20 – местных. Всего – 34 сообщества.

Вопреки устоявшемуся мнению, что каждой группировке принадлежит своя территория, это все-таки не так. Скорее группировки контролируют определенные объекты. Например, два аэропорта Шереметьево, согласно оперативным данным, контролировались химкинской и долгопрудненской братвой, Быково – люберецкой, Внуково – солнцевской, Домодедово делили несколько группировок, но не москвичи – здесь самыми влиятельными были представители екатеринбургской (уралмашевской) группировки.

Или – другой пример: Москворецкий строительный рынок (500 торговых мест) контролировали целых четыре группировки: абхазская, армянская, азербайджанская и ореховская.

Убийство Листьева

1 марта 1995 года Владислав Листьев, известный телевизионный журналист, был убит в собственном подъезде. Реакция общественности, а также государственных деятелей страны была бурной. Президент гневно выступил по телевидению. Мэр Москвы Лужков настоял на увольнении тогдашнего начальника ГУВД Панкратова и московского прокурора Герасимова в связи со слабой работой. В Москве была создана специальная бригада по расследованию этого убийства. Для профилактики распоряжением мэра Москвы было закрыто очень много казино. Но перед тем как они были закрыты для выполнения профилактических действий, в Москву было направлено несколько ОМОНов, в том числе и рязанский, для наведения порядка. В течение нескольких дней наведения порядка, иными словами, шмонов, арестов, задержаний, обысков в казино, в ночных клубах, а также остановки машин на трассах, омонотцы врываются в помещения, клали всех на пол, избивали, срывали золотые украшения, часы.

Убийство Листьева стало черной меткой для многих ОПГ, тогда многие лидеры и авторитеты спешно покинули на время столицу. Созданная бригада следователей по раскрытию этого громкого преступления сначала взялась за расследование рьяно, было задержано много лиц по подозрению в причастности к этому убийству, многие из задержанных под давлением оперативников и следователей даже дали признательные показания. В средствах массовой информации то и дело рапортовалось о раскрытии этого убийства, назывались исполнители и заказчики, но это, как потом выяснилось, была неправда. По данным на 2003 год, убийство Листьева до сих пор не раскрыто. А специалисты по заказным убийствам в частных беседах утверждают, что убийство журналиста уже никто не раскроет.

Тем не менее это громкое убийство стало новым предлогом активизации борьбы с криминалом.

Указ по борьбе с организованной преступностью

В этом году выходит пресловутый указ президента: в связи с борьбой с организованной преступностью государство ввело специальный указ, который давал широкие права работникам милиции. Например, они получали право беспрепятственного прохода в любое помещение, если имели основания подозревать, что там есть признаки совершенного или готовящегося преступления. Кроме того, они могли задержать без санкции прокурора на срок до 30 суток любое лицо, подозреваемое в связях с организованной преступностью. Нужно сказать, что наши законодатели активно проводят в жизнь такие законы, но никто из них не удосужился дать определение организованной преступности, и три или четыре года, пока действовал этот указ, люди утрачивали здоровье, теряли имущество на основании этого указа, который так и не обозначил, что такое организованная преступность.

Позже этот указ был отменен как неконституционный.

Криминальная хроника

Одного из наиболее влиятельных кутаисских воров в законе Робинзона Арабули (Робинзон) руоповцы задержали в подмосковном пансионате «Отрадное» Красногорского района. В ноябре прошлого года на одной из подмосковных дач они уже задерживали его и Реваза Бухникашвили по прозвищу Резо, также вора в законе из Кутаиси. Тогда при обыске дачи милиционеры обнаружили патроны и наркотики, но уголовное дело пришлось прекратить, ибо нашлись свидетели, утверждавшие, что пальто с патронами в карманах, в котором задержали авторитетного преступника, принадлежало совсем другому человеку. Робинзона Арабули выпустили на свободу под подписку о невыезде, после чего он исчез из поля зрения правоохранительных органов, и только в результате кропотливых розыскных мероприятий был обнаружен в загородном филиале Центральной клинической больницы, где «болел» под чужой фамилией. На этот раз удалось взять его с поличным: в палате, где задержали вора в законе, оперативники нашли сильнодействующий наркотический препарат промедол. Это же вещество было обнаружено и в крови Робинзона Арабули.

Апрель

Выстрелом в голову из пистолета в Москве убит Андрей Исаев, известный в уголовном мире вор в законе по прозвищу Роспись. За последние три года это было уже четвертым покушением на уголовного авторитета. Предыдущие три, по оперативной информации РУОПа, организовали представители чеченской оргпреступности. Исаев был коронован в конце восьмидесятых годов одним из самых влиятельных российских воров в законе Вячеславом Иваньковым, известным в уголовной среде под прозвищем Япончик. Прозвище Роспись (или Расписной) он получил за разукрашенную татуировками спину. С благословения Япончика его крестник стал самым активным в Москве борцом с кавказской, и особенно чеченской, преступностью. После организованного им расстрела троих чеченских преступных лидеров возле гостиницы «Космос» чеченцы вынесли ему смертный приговор и организовали на него первое покушение, но пуля убийцы застряла в бронежилете. После этого Роспись ненадолго покинул Россию: он уехал на отдых в Нью-Йорк. Тем временем в Москве были убиты два его подручных – Александр Сухоруков (Сухой) и Герман Старостин (Гера). Когда он вернулся, чеченцы сразу организовали на него новое покушение, и в октябре 93-го он был ранен в печень выстрелом из снайперской винтовки. Вскоре после того как он опять вернулся в Россию после лечения за границей, был взорван его автомобиль, но на сей раз Исаев отделался легким испугом. Последнее покушение оказалось удачным: неизвестные, обманом проникнув в квартиру Расписного, застрелили его в собственной постели. Однажды во время очередного задержания руоповцами Роспись обиженно сказал оперативникам: «За что? Я же ничего плохого не делаю, только папуасов отстреливаю!»

В апреле в перестрелке с бойцами специального отряда быстрого реагирования московского РУОПа в старинном особняке на Петровке был убит преступный авторитет Сергей Мамсуров, в воровской среде известный под кличкой Мансур. Вместе с товарищем он взял в заложники своего делового партнера и подверг его жесточайшим пыткам. Заложнику удалось сбежать, и к Мансуру нагрянули милиционеры. Выяснилось, что в квартире находятся еще две заложницы. Мансур сдаваться не собирался. «Патронов у меня хватит на всех», – заявил он по телефону (впоследствии в квартире нашли два помповых ружья, револьвер, пистолет «ТТ», саблю, две шашки и два кинжала). После этого он передал трубку заложнице, которая сообщила оперативникам, что она тяжело ранена и истекает кровью. Напоследок Мансур сказал милиционерам, что в случае штурма убьет заложниц и застрелится сам. На штурм все же решились, но дверь взрывать не стали – из опасения за жизнь женщин. Около двух часов ночи бойцы СОБРа начали выламывать дверь кувалдами. Мансур несколько раз выстрелил через дверь и ранил одного милиционера в руку. В ответ стреляли и собровцы. Наконец им удалось ворваться в квартиру, перестрелка продолжилась. Одной из пуль Мансур был убит. Раненная им заложница позже скончалась в больнице.

Сергей Мамсуров родился в Ленинграде в семье военнослужащего. (Его отец был морским офицером, сейчас он в отставке.) Пока он жил в городе на Неве, ничего криминального в его биографии не происходило. Он состоял в рядах ВЛКСМ, служил в армии. Перелом наступил в конце 70-х, когда Мамсуров переехал в Москву. Здесь судьба и свела его с видными преступными авторитетами, в числе которых были Леонид Завадский и Федор Ишин.

После окончания школы поступил на экономический факультет МГУ и успешно там учился, но неожиданно бросил его и решил заняться бизнесом. Мамсуров стал директором только что открывшейся фирмы «Осмос», которая специализировалась на посреднических операциях по продаже компьютеров. Эта фирма принесла Мамсурову и его друзьям довольно приличный капитал. В июле 1991-го фирмой заинтересовался МУР, однако лично

Мамсуров сумел избежать почти всех неприятностей. Следует отметить, что он был весьма везучим человеком. Но все же его вскоре арестовали. После недолгого пребывания в СИЗО он знакомится с влиятельными криминальными авторитетами и создает свою криминальную бригаду.

Он начинает именовать себя Мансуром, при этом называет себя Серегой–Вором российским. (Мансур не был коронован.) Мансур пережил своих друзей. Федор Ишин был убит вместе с Амираном Квантришвили еще в 1993 году. Леонид Завадский погиб 30 сентября 1994 года. Очередь Мамсурова наступила 6 апреля 1995 года. Началось же все с того, что вечером того дня в милицию обратился избитый молодой человек. Он заявил, что находился в качестве заложника в одной из квартир дома № 19 по Петровке, но сумел выпрыгнуть в окно. После этого на квартиру к Мамсурову прибыли бойцы столичного РУОПа. На предложение сдаться Мамсуров почему-то ответил отказом, после чего и было принято решение штурмовать квартиру.

Как писал затем «Московский комсомолец»: «Мансур встретил смерть в элегантном дорогом костюме. Практически все пальцы покойного увешаны золотыми кольцами и перстнями».

Смерть Мансура *Как это было*

Мансур переехал на новую квартиру на Петровке, 19, недалеко от Центра общественных связей ГУВД Москвы и от Тверской межрайонной прокуратуры. Четыре комнаты, в которых был сделан ремонт, были обставлены дорогой мебелью. Одна из комнат напоминала зал с колоннами и камином. Кроме этого, в квартире были две ваннные комнаты, в одной из которых был сделан бассейн с гидромассажем. В каждой комнате стояло по большому телевизору.

Мансур старался реже выходить на улицу, так как опасался за свою жизнь, и много времени проводил в новой квартире.

Он по-прежнему увлекался кокаином и часто находился в невменяемом состоянии.

Вскоре произошло неприятное событие. Квартиру Мансура, точнее, несколько комнат залило водой из квартиры, находившейся этажом выше. Мансур тут же вызвал бригаду рабочих и архитектора Алексея Галанина. Надо сказать, что Алексея наняла подруга Мансура Татьяна Любимова, которая нашла его через свои связи.

Однако качество ремонта Мансура не очень устраивало, к тому же переделка после затопления нескольких комнат слишком затягивалась.

Однажды, 17 марта, Мансур принял дозу кокаина и устроил архитектору выволочку. Он налетел на него, размахивая пистолетом. А когда бедный Галанин попытался что-то сказать в свое оправдание, Мансур выстрелил ему в живот и грудь. После этого Мансур приказал Душману и другим ребятам расчленить труп.

Но ребята наотрез отказались это делать. Тогда Мансур сам распилил тело ножовкой. Потом охранники всю ночь, задыхаясь от вонючего дыма, жгли в камине останки архитектора. Это была жуткая сцена.

Затем прошло еще несколько дней в пьянстве и употреблении наркотиков. В перерыве Мансур решил расквитаться с убийцами Павлова. В смерти Павлова Мансур заподозрил приятеля Завадского, некоего Рената Селяхетдинова по кличке Татарин.

Мансур вызвал татарина на «переговоры», сказав, что у него соберутся деловые люди, и предложил ему одеться поприличнее, мол, наклеивается важный контракт.

Татарин даже не предполагал, что его ждет.

Как только он вошел в квартиру Мансура, тот стал бить и пытать Татарина. Взяв видеокамеру, Мансур заставлял его признаться в причастности к убийству Павлова. Однако Татарин оказался крепким орешком и молчал. Устав от пыток, Мансур вставил в рот Селяхетдинова ствол и, глядя ему в глаза, спросил:

– Жить хочешь?

Татарин кивнул головой. Мансур нажал на курок.

Затем он отрубил Селяхетдинову голову и руки. Их сожгли в камине. Остальные части тела Мансур приказал утопить в Москве-реке.

Прошло несколько дней, и поисками Татарина занялся его приятель Олег Цилько по кличке Бройлер. А до этого Мансуру неоднократно звонила жена Татарина и спрашивала, куда подевался ее муж. Мансур отвечал, что Татарин вышел от него, а куда он дальше поехал, он не знает.

Однако от расспросов Бройлера Мансур не смог отвертеться. И тогда у него родился новый план. Он сказал, что Татарин у него дома, и предложил Бройлеру приехать к нему.

Как только Бройлер появился в квартире, его тут же связали и начали пытаться, требуя, чтобы он сознался в убийстве Завадского, Татарина и Павлова. Эти признания Мансур хотел записать на видеопленку, а потом передать ворами в законе, чтобы отвести от себя подозрения.

Пытки продолжались около недели. Это была жуткая картина. На восьмой день Цилько признался во всем. Затем его приковали наручником к батарее в ванной комнате, и Мансур размышлял, как ему поступить с Бройлером дальше.

Так получилось, что в это время Татьяна Любимова закатила Мансуру скандал и потребовала, чтобы он не превращал квартиру в камеру пыток. Но Мансура этот скандал еще больше взбесил.

Находившийся под сильной дозой наркотиков, он приказал приковать к батарее рядом с Бройлером и Татьяну.

Когда пленников приковали к батарее, Мансур решил снять свое напряжение и приказал вызвать по телефону проститутку через газетное объявление. Вскоре в квартире Мансура появилась наложница любви. Девушка вначале даже не поняла, что происходит в этой квартире, но, когда она врубилась, ее охватил страх.

Мансура к тому времени просто разморило, и он пошел спать, теперь ему было не до секса.

Татьяна, как мне потом удалось выяснить, воспользовалась тем, что недалеко стоял шампунь, сумела вылить его себе на руки и снять наручники, освободив и Бройлера.

Когда Мансур спал, а ребята сидели и выпивали, пленники выпрыгнули из окна. При этом Татьяна сломала ногу. Бройлер бросился бежать. Мансур выскочил на улицу с пистолетом и крикнул:

– Обязательно поймать их! Вернуть!

На улицу за ним выскочили Душман, Малыш, еще двое ребят и я. Увидев лежащую у подъезда Татьяну, двое пацанов подняли ее и потащили в квартиру. Душман и я бросились за Бройлером.

Но тут неожиданно из соседнего двора выехала милицейская машина. Бройлер тут же свернул к ней. Я понял, что это конец. Сто процентов, что ребята не будут устраивать перестрелку с ментами, а Бройлер определенно сдаст всех. Теперь нужно было принимать решение.

Я огляделся по сторонам. Чуть поодаль стояли Душман с Малышом, как бы раздумывая, что делать. Я быстро развернулся и скрылся в соседнем дворе. Теперь я был в безопасности. Но, с другой стороны, я сам подписал себе приговор...

Миновав несколько проходных дворов, я вышел на улицу. Мне было страшно. Идти домой не было смысла. А вдруг все образуется и Мансур уже послал людей, чтобы достать меня на квартире и также подвергнуть жестоким пыткам, а затем убить?

Перед глазами возникла картина, как в камине Мансура горит мое тело...

Бесцельно прохаживаясь по улицам, я пытался найти выход из создавшейся ситуации. Вдруг мое внимание привлекла большая рекламная доска, говорившая, что на первом этаже близлежащего здания находится офис риелторской фирмы. А что, если мне снять квартиру?

Через пять минут я уже был в офисе. Я попросил менеджеров подыскать мне однокомнатную квартиру, желательно где-нибудь на окраине. Меня совершенно не волновала меблировка, необходим был только телевизор, чтобы получать информацию, и телефон для связи с внешним миром.

В этот же вечер я оказался в снятой однокомнатной квартире. Однако, посмотрев все вечерние передачи, я не увидел ни в одной никаких подробностей задержания Мансура.

Только на следующий день почти все каналы передали жуткий репортаж о штурме квартиры Мансура. Оказывается, когда сбежавший пленник попал в 17-е отделение мили-

ции, тут же в квартиру Мансура были вызваны РУОП вместе с отрядом специального реагирования – СОБР.

Они окружили квартиру. Милиционеры по телефону пытались уговорить Мансура сдаться. Однако он отказался открыть дверь и потребовал, чтобы к нему привезли адвоката. Вместе с адвокатом приехали и родители Мансура. Но сдаваться он все равно не собирался.

– Патронов у меня на всех хватит, – заявил он и сразу же передал трубку заложнице, которая сказала, что тяжело ранена, истекает кровью. После этого милиционеры решили брать дверь штурмом. Но дверь они взрывать не стали, опасаясь, что старый дом развалится.

И около двух часов ночи бойцы СОБРа начали выламывать дверь кувалдами. Мансур несколько раз выстрелил в дверь и дважды ранил одного из милиционеров в руку.

В ответ собровцы начали стрелять. Наконец им удалось ворваться в квартиру. В колонном зале перестрелка продолжалась. Одной из пуль Мансур был убит.

Кроме заложницы, в квартире милиционеры обнаружили еще одну женщину. Это была Татьяна Любимова. Но она была тяжело ранена. В шоковом состоянии ее отвезли в больницу, где она, не приходя в сознание, скончалась.

Я не верил, что Мансур убит, что его больше нет.

Криминальная хроника

Задержан один из самых авторитетных славянских воров в законе идеолог балашихинского преступного сообщества Александр Захаров по прозвищу Захар. В местах лишения свободы он провел почти полтора десятка лет, но в послеперестроечные годы, хотя его несколько раз пытались задерживать за хранение наркотиков и оружия, ему всякий раз удавалось избежать наказания. На этот раз он попался с поличным: в его автомобиле «Мерседес-500» оперативники нашли заряженный пистолет.

Криминальная хроника **Побег Солоника**

5 июня произошло громкое событие в криминальной истории России. Ночью из следственного изолятора Матросская Тишина из спецкорпуса бежал подследственный. Оттуда при немыслимых, казалось бы, обстоятельствах сбежал 35-летний Александр Солоник, тот самый, что был схвачен 6 октября 1994 года на Петровско-Разумовском рынке (тогда погибли трое милиционеров и один охранник, два человека получили ранения). Сам Солоник также получил ранение, однако, находясь в тюрьме, сумел за 8 месяцев поправить свое здоровье и в конце концов сбежать.

Как оказалось, побег был совершен очень профессионально. За несколько месяцев до него в тюремную охрану был внедрен свой человек – младший сержант. Он только ждал удобного момента, чтобы помочь Солонику. Вскоре такой момент представился.

Администрация тюрьмы узнала, что уголовные авторитеты вынесли Солонику смертный приговор (он сознался в убийстве вора в законе Длугача, авторитета В. Виннера и др.). После этого Солоника поместили в спецблок в одиночную камеру 938 9-го корпуса. Некомплект штатных охранников привел к тому, что на весь корпус приходилось всего двое – постовой и дежурный по корпусу. Причем корпусной довольно часто вынужден был отлучаться по долгу службы на 30—40 минут. Это «окно» и решено было использовать. Сообщник Солоника Сергей Меньшиков вывел его из камеры, и они вместе выбрались на прогулочную площадку корпуса (дверь они взломали). Затем они поднялись на стену, достали 23-метровый альпинистский шнур и по нему спустились на пустынную улицу Матросская Тишина. Судя по всему, где-то неподалеку их уже ждала автомашина «БМВ». Вывез Солоника Павел Зелянин, а общее прикрытие осуществляли члены курганской ОПГ.

Секретный клиент Как это было

Началось все с того, что в середине октября 1994 года в консультации, где я работал адвокатом, раздался звонок. Мне звонил коллега, адвокат из другой консультации Павел П., и предложил срочно встретиться в его консультации – он хотел сосватать мне для защиты одно громкое дело. Теперь уже, когда прошло много времени, я начинаю думать, почему этот опытный и достаточно маститый адвокат, который не так хорошо меня знал, предложил дело именно мне. Может быть, тут сыграло роль то, что до этого мы с ним участвовали в одном из мафиозных процессов и сумели, используя ошибки следствия и прорехи процессуального характера, направить дело на следствие; может быть, были какие-то иные причины.

Когда я приехал в консультацию, где работал Павел П. – а она находилась на Таганке, – народу там практически уже не было, кроме женщины, которая сидела в холле.

Павел вывел меня в коридор и представил достаточно молодой симпатичной женщине. – Наташа, – представилась она.

На вид ей было 25—27 лет. Она была достаточно красивой женщиной, с темными волосами, немного смуглым лицом, одета в очень модную и очень дорогую норковую шубу. Взгляд ее был печальный.

Мы поздоровались. Потом наступила пауза. Каждый из нас вглядывался друг в друга. Наташа сказала:

– Моего мужа обвиняют в убийстве милиционеров. Может быть, вы слышали о перестрелке на Петровско-Разумовском рынке, которая произошла в начале октября, примерно неделю назад?

Конечно, я знал о перестрелке на Петровско-Разумовском рынке. Все газеты и все телевизионные программы сообщали, что в результате перестрелки было убито трое работников милиции, два человека ранено и был пойман опасный преступник, который тоже был ранен и доставлен в больницу. Но фамилия этого преступника в средствах массовой информации пока не сообщалась.

Безусловно, это было очень громкое дело – убийство сразу троих работников милиции!

Наташа рассказала, что после ранения ее мужа доставили в институт Склифосовского для операции, а потом перевели в специальную больницу. Несколько дней назад он из больницы переведен в следственный изолятор Матросская Тишина. Если у меня есть желание поработать по этому делу, необходимо действовать с большим вниманием и осторожностью.

Я поинтересовался, что это значит – с осторожностью?

– Потом узнаете, – ответила Наташа. – Кроме того, по условиям контракта – все это будет оплачено – вы должны ходить к моему мужу каждый день в разное время.

Это меня еще больше заинтриговало.

– Хорошо, – сказал я, – разрешите мне подумать до утра.

Выйдя из консультации, я сел в машину и поехал не домой, а в близлежащую библиотеку. Приехав туда, я взял сразу несколько подшивков газет и очень внимательно прочел все публикации, связанные с перестрелкой 6 октября 1994 года на Петровско-Разумовском рынке. Вскоре я узнал фамилии и имена погибших милиционеров, узнал, что тяжелораненый при задержании опасный преступник прежде совершил два побега из мест заключения.

Я не знаю точно, что повлияло на мое решение принять это дело к защите. Казалось, какая-то таинственная сила заставила меня взять это дело, оно представлялось мне достаточно интересным, и, может быть, я как-то сумею помочь своему клиенту.

На следующее утро мы вновь встретились с Наташей и поехали в мою консультацию, чтобы заключить соответствующий договор о правовой помощи и выписать ордер. (Ордер

является нашим документом, который дает адвокатам право участвовать в уголовном процессе на следствии или на суде.)

Наташа сказала мне, что дело ведет Московская городская прокуратура, причем по этому делу создана специальная бригада, которую возглавляет один из начальников отдела Московской городской прокуратуры.

– Есть еще одна особенность, – сказала Наташа. – Вероятно, о ней вам сообщат в прокуратуре. Но я вам могу сказать, что мой муж, помимо этого, обвиняется и в убийстве влиятельных фигур уголовного мира, поэтому в условиях нашего контракта должен быть записан специальный пункт, чтобы вы никому из своих клиентов, особенно из братвы, не говорили, что являетесь защитником моего мужа и соответственно где он сидит. То есть, иными словами, вы – хранитель конфиденциальной информации, которая станет вам известна в связи с защитой моего мужа.

Тогда я еще не знал, что это за имена и какую они имеют значимость в уголовной иерархии.

Я в раздумьях ехал на улицу Новокузнецкая, где находится городская прокуратура. Я специально решил не сообщать заранее следователю о своем визите, поскольку мне хорошо знакомы приемы, когда следователь, стараясь выиграть какое-то время, работая с подозреваемым, чтобы в дело не вступил адвокат, и имея определенное преимущество, затягивает допуск адвоката к делу под различными предложениями – то ему некогда, то он срочно уезжает на совещание, то клиент заболел... Эти приемы мне были уже хорошо известны. Поэтому я решил появиться в прокуратуре неожиданно.

Зная фамилию следователя и номер его кабинета, я подъехал к зданию на Новокузнецкой. Нужно было как-то проникнуть в это здание. Но сложность заключалась в том, что здание имело пропускную систему и без предварительного приглашения со стороны людей, работающих в этом здании, адвокату пройти было невозможно. Поэтому я набрал номер своего знакомого следователя, с которым я не так давно работал по одному из уголовных дел, – с ним у нас были довольно неплохие отношения, – и напросился к нему на прием. Он ничуть не удивился моему визиту, думая, что я собираюсь что-либо уточнить или мне понадобились какие-то бумаги, поскольку дело в ближайшее время должно было быть направлено в суд.

Пробыв в его кабинете несколько минут, я вышел в коридор и, поднявшись на третий этаж, подошел к двери, где находился следователь по делу моего нового клиента. Я постучал в дверь и тут же открыл ее. Войдя в кабинет, я увидел, что это отдельная комната, вероятно, кабинет заместителя начальника отдела по раскрытию убийств. В кабинете за столом сидели два незнакомых человека. Один из них смотрел телевизор, другой что-то писал. Там же был и хозяин кабинета, Уткин.

Хозяину кабинета было лет 35—40. Он был достаточно плотного телосложения, с темно-русыми волосами.

Когда я вошел, присутствующие не обратили на меня никакого внимания. Каждый был занят своим делом. Я решил представиться, назвал свое имя и отчество и сказал, что являюсь адвокатом Александра Солоника.

Тут все сразу же прекратили свои занятия и, не сговариваясь, уставились на меня. В кабинете воцарилась тишина, которая продолжалась около двух минут.

Наконец Уткин спросил:

– А документы у вас есть?

– Конечно, есть, – ответил я и положил на его стол свое адвокатское удостоверение и ордер, выписанный только что в юридической консультации.

Уткин долго всматривался в мое удостоверение, как бы проверяя, когда оно выписано, до какого дня действительно, похож ли я на фотографию. Потом он так же внимательно изучал ордер. Затем попросил меня выйти, чтобы проверить мои полномочия.

Усмехнувшись, я сказал:

– Неужели вы думаете, что я, зная, насколько серьезна и компетентна ваша организация, представлю вам фальшивый ордер или поддельное удостоверение?

– Я уверен, что вы этого не сделаете, – ответил Уткин, – но я должен проверить вас.

Я вышел. После я понял, что целью была не проверка, а, вероятнее всего, координация дальнейших действий в связи с неожиданным появлением адвоката.

Через несколько минут дверь открылась, и Уткин пригласил меня войти. Я вошел. Двое, которые сидели в кабинете, как мне показалось, лишь притворялись, что занимаются своими делами. На самом же деле они внимательно смотрели в мою сторону и слушали наш разговор.

Первым прервал паузу Уткин:

– Я хотел поинтересоваться, кто вас нанял? Наташа?

Я ответил, что моя задача – защита клиента и я, в отличие от правоохранительных органов, никогда не проверяю документы у будущего клиента, их подлинность и является ли он родственником или близким знакомым. Человек внес деньги в нашу консультацию, предложил мне участвовать в защите близкого ему лица. А какие у них отношения и кем он является – это не моя задача.

– Конечно, – согласился со мной Уткин. – Но что вы хотите от нас?

– Прежде всего – чтобы вы дали разрешение, допуск на встречу с моим клиентом и ознакомили с первоначальными процессуальными документами, которые он подписал, и с предварительным обвинением.

Уткин сделал паузу и посмотрел на человека, который сидел за телевизионным монитором. Я взглянул на экран монитора и увидел, как ближним стоп-кадром на меня смотрел человек, лежащий на больничной койке под капельницей, весь в бинтах. Я догадался, что именно этот человек и есть Солоник и что это является доказательством того, что сейчас он находится в больнице после тяжелого ранения.

Уткин сказал, посмотрев еще раз на мое удостоверение и назвав меня по имени-отчеству:

– Я хочу вас предупредить, что вы приняли не совсем правильное решение. – Он тщательно подбирал слова и смотрел на человека, сидящего за монитором.

– А в чем неверно мое решение?

– Вы выбрали не того клиента.

– А как я могу определить, тот клиент или не тот?

– Прежде всего, этот человек обвиняется в убийстве – и вам, вероятно, это хорошо известно – троих работников милиции.

– Это ваша версия, что он обвиняется в убийстве, – ответил я. – Но мы же знаем, что там был и второй человек. Может быть, и не мой клиент убил этих людей, а другие совершили убийства. Такое может быть?

– Да, и такое может быть. Но это вряд ли. Кроме того, я вам скажу чуть позже, какие у него серьезные проблемы. И эти проблемы могут также негативно сказаться на вашей безопасности.

– Даже так? Вы, наверное, пытаетесь меня запугать?

– Нет, нет! – возразил Уткин. – Это не по нашей линии.

Через некоторое время он протянул мне два листа процессуальных документов, а сам начал печатать разрешение на посещение мной моего клиента в следственном изоляторе.

Вчитываясь в эти листочки – одним было обвинение, а другим – протокол задержания, – я узнал, что Солоник под фамилией Валерий Максимов был задержан тремя работниками милиции – потом выяснилось, что это сотрудники специальной службы при ГУВД Москвы, – капитаном Игорем Нечаевым, лейтенантами Сергеем Ермаковым и Юрием Кисе-

левым для выяснения личности. Когда они прошли в офис для проверки документов, Солоник и его подельник Алексей Монин, неожиданно вытащив пистолеты, начали стрелять и тяжело ранили троих вышеуказанных милиционеров, а также сотрудника охранного бюро «Бумеранг» Александра Заярского. Кроме того, они сумели ранить еще двоих сотрудников охранной фирмы «Бумеранг», и один из преступников смог скрыться в Ботаническом саду. Другого – Александра Солоника – настигла пуля, попав в спину, и он оказался задержанным. При задержании у него был обнаружен 9-миллиметровый пистолет иностранного производства «глок». Вскоре раненые вместе с Солоником были доставлены в институт Склифосовского. Нечаев после ранения в голову и Ермаков, получивший пулю в живот, скончались. Также скончался и сотрудник «Бумеранга». Двое сотрудников «Бумеранга» были тяжело ранены.

Прочитав документы, я отложил их в сторону и сделал паузу, как бы глядя на них еще раз. Присутствующие в кабинете внимательно смотрели на меня, стараясь понять мою реакцию. Первым тишину нарушил Уткин.

– Вот видите, товарищ адвокат, какого негодяя вам приходится защищать! Как вы вообще можете его защищать?

Я, подумав, сказал:

– Конечно, я понимаю тяжесть обвинения, предъявленного моему клиенту. Но дело в том, что моя функция оговорена в праве каждого на защиту и меня направило государство. Конечно, я могу выйти из этого дела, но на мое место придет другой человек. Ведь человеку, который подозревается в убийстве, по закону положен защитник, и вы это знаете не хуже меня.

Уткин смутился, но тут же нашелся:

– А как же ваши моральные принципы, оценки? Вы же видите, что он – убийца, и все равно собираетесь его защищать.

– Давайте посмотрим, – ответил я, – может быть, он не столь опасен. Ведь он мог убить не всех троих. Это мог сделать и его напарник Алексей Монин или кто-то еще в результате перестрелки.

Уткин протянул мне листок бумаги, на котором было разрешение на мой визит в следственный изолятор, где находится Солоник. Я попрощался, взял свое удостоверение и вышел из кабинета, но меня остановил человек, который сидел у маленького портативного телевизора. Он настиг меня в коридоре.

– Я хочу вас предостеречь, – сказал он мне, – что для вас существует еще одна опасность.

– Какая опасность? – удивился я. – Вы хотите сказать, что работники милиции не простят убийства своих коллег?

– Я этого не отрицаю, – сказал мой собеседник, явно похожий на оперативника из МУРа. – И это может случиться. Но главная опасность заключается в том, что ваш клиент сознался под видеокамерой на больничной койке в убийстве очень серьезных людей из уголовного мира. Сейчас я вам их назову. Может быть, услышав это, вы все же не будете вести это дело.

Я с большим удивлением посмотрел на него. Оперативник продолжил:

– Вот в каких заказных убийствах он признался. Это Валерий Длугач, Анатолий Семенов, Владислав Виннер. Это Николай Причистин, Виктор Никифоров. Вам эти фамилии что-нибудь говорят?

Да, мне эти фамилии говорили многое. Валерий Длугач был вор в законе по кличке Глобус, главарь бауманской преступной группировки. Он имел колоссальный авторитет в элите уголовного мира. Анатолий Семенов по кличке Рэмбо (позднее следствие обвинит в убийстве Рэмбо других людей) был соратником Длугача и также принадлежал к бауман-

скому сообществу. Владислав Виннер по кличке Бабур – продолжатель дела Глобуса. Виктор Никифоров – вор в законе под кличкой Калина. Ходило очень много слухов о том, что Калина является чуть ли не приемным сыном самого Япончика – Вячеслава Иванькова. Николай Причистин был лидером ишимской группировки из Тюмени. Это были крупнейшие люди из элиты преступного мира. И, конечно, определенные проблемы и опасности со стороны «кровников» в отношении моего клиента, а может быть, и в отношении меня могли быть достаточно реальны.

Оперативник продолжал:

– Кроме того, ваш клиент совершил два побега – один из зала суда, при вынесении первого приговора, а другой – из колонии. Учитывая все это, я могу вам сказать доверительно – да вы и сами это понимаете, – что ему грозит смертная казнь. Никто ему убийства трех милиционеров не простит. Поэтому вашему клиенту терять нечего, и он может решиться даже на то, чтобы захватить кого-либо в заложники, и мне бы очень не хотелось, чтобы этим заложником оказались вы. Этот человек, как вы понимаете, может пойти на что угодно. Впрочем, – добавил оперативник, – решать вам. Никто из нас не будет на вас влиять. Но имейте в виду, что разрушить это дело или направить его на следствие вам никто не позволит – вы должны знать это совершенно четко. Поэтому решайте сами: хотите работать с ним – работайте. И еще: он сидит в специальной тюрьме, СИЗО № 4.

Я знал, что СИЗО № 4 – это специальный блок, расположенный в Матросской Тишине. До недавнего времени там сидели знаменитые члены ГКЧП. Практически это была тюрьма в тюрьме.

Когда я покинул здание Московской прокуратуры, вышел на Новокузнецкую улицу и сел в свой автомобиль, всю дорогу в Матросскую Тишину думал только об опасности попасть в категорию заложников. Перед моими глазами вставали картины, недавно увиденные в криминальной хронике, когда в колонии уголовники берут в заложники медсестер, работников охраны, посетителей комнат свиданий, куда к ним приходят. Мне виделось, как ОМОН или СОБР, вызываемые на освобождение заложников, расстреливали не только похитителей, но и жертв. С такими неприятными ощущениями я ехал и думал: у моего клиента – конечно, я его еще не видел и не знаю, что это за человек, – возможно, никаких шансов практически нет. Нетрудно было догадаться, что перед ним три приговора: будущий приговор судебных органов, который ему, скорее всего, гарантирует смертную казнь; приговор, который ему могут вынести работники милиции и убрать его даже в следственном изоляторе – а такие случаи были, я их знал; и наконец, это месть воров в законе и уголовных авторитетов, которые тоже наверняка не простят ему убийства своих коллег.

С такими мрачными и ужасными мыслями я подъехал к следственному изолятору Матросская Тишина. Я уже представлял заранее, как громадный детина, коротко стриженный, со зловещим лицом, весь в татуировках, схватит меня, приставит заточку или нож к горлу и возьмет меня в заложники. Только эта картина и стояла перед моими глазами. Я даже остановился у какого-то киоска и купил баллончик со слезоточивым газом и положил его в карман. Конечно, я не в первый раз видел людей, обвиняемых в убийстве, даже в какой-то мере привык к ним и рассматривал их как обычных людей, поскольку адвокат не дает моральной оценки своего клиента. Он видит человека как объект юридического дела, в котором ему нужно решить определенную юридическую задачу. А здесь меня охватили совершенно противоположные чувства. Я видел определенную угрозу, которая может быть направлена против меня. С таким чувством страха я вошел в здание следственного изолятора № 1, известного как изолятор Матросская Тишина.

Я поднялся на второй этаж, предъявил свое удостоверение и взял для заполнения карточку вызова клиента. В тот день я решил вызвать двух клиентов, причем двух новых. Первый был Рафик А., который также принадлежал к какой-то бандитской группировке и обви-

нялся в убийстве другого бандита в кафе. Я заполнил карточку на Рафика А. и на Александра Солоника и протянул эти карточки женщине, сидящей в картотеке. Она молча взяла мои карточки, достала из картотеки листок и стала сверять все данные в моей карточке с данными, записанными в картотеке. Когда она все это сделала, она взяла красный карандаш и ткнула им в листок вызова, где был записан Александр Солоник. Я прекрасно знал, что значит перечеркивание красным карандашом – что человек является особо опасным и склонен к побегу. Кроме того, она взяла ручку и написала: «Обязательно наручники!»

Чувство страха у меня еще больше усилилось.

– Поднимайтесь на 4-й этаж в 70-й кабинет, – сказала работница изолятора.

Я поднялся на четвертый этаж в указанный мне кабинет и стал ждать своего клиента.

Неожиданно дверь следственного кабинета открылась и вошел конвоир, держащий в руках листок. Я узнал свой почерк. Обратившись ко мне, он спросил:

– Солоника на допрос вы вызывали?

Я поправил конвоира:

– Не на допрос, а на беседу. Я адвокат. (Допросы проводят следователи, адвокаты – беседы.)

– Ну да, на беседу, – поправился конвоир, взглянув еще раз на листок.

– Я.

Дверь открылась, и в кабинет вошел человек в спортивном костюме и в наручниках.

Конвоиры дали возможность Солонику сесть на стул и тут же ловким движением пристегнули наручник к металлической ножке стула. Я попробовал протестовать, сказал:

– Снимите хотя бы наручники!

Конвоиры ответили:

– Не положено! – и вышли из кабинета.

Я взглянул на своего нового клиента. Александру Солонику было тридцать два – тридцать три года, невысокого роста – не больше 165 сантиметров, крепкого телосложения, с русыми волосами и голубыми глазами. Он смотрел на меня и улыбался. Молчание продолжалось несколько минут. Я немножко успокоился: хоть не громила, не зверское лицо, улыбается – уже хорошо! Я вытащил из кармана взятый накануне у Наташи брелок в качестве условного знака и пароля и положил его на стол. Хотел было сказать, что я от Наташи, но он, опередив меня, кивнул головой и сказал:

– Я ждал вас завтра. – И тут же, взяв свободной рукой брелок, улыбнулся и спросил: – Ну, как она там? Небось гоняет на машине с большой скоростью?

Для меня было странным, почему он знал, что я приду завтра, почему сразу узнал, что я являюсь его адвокатом.

Он продолжал улыбаться, осматривал кабинет, где мы должны были с ним беседовать. Я представился, назвал свою фамилию и имя, сказал, что я адвокат. Он выслушал это улыбаясь и неожиданно спросил:

– Как там, на воле-то? Как погода?

И тут я увидел, как он, оглянувшись, как бы осматривая кабинет, вытащил из кармана спортивных брюк шпильку и ловким движением расстегнул свой наручник. Я оторопел. Он встал, разминая ноги, и направился в мою сторону, к окну. Мне показалось, что сейчас он сделает резкое движение, схватит меня за горло и возьмет в заложники. У меня даже руки онемели. Я положил левую руку в карман пиджака, где у меня лежал баллончик с газом. Но Александр дошел до окна, посмотрел на улицу, в тюремный двор, взглянул наверх, увидел, что стоит ясная погода, прошелся немного по кабинету и вновь сел за стол.

Я продолжал молчать. Александр спросил:

– Вы в курсе, что вам необходимо ходить ко мне каждый день?

– Да, – ответил я, – меня об этом предупреждали. Но, честно говоря, я не вижу такой необходимости.

– Необходимость есть, – сказал Александр. – Дело в том, что моей жизни угрожает опасность и я вынужден был разработать систему собственной безопасности. Так вот, ваши ежедневные визиты ко мне являются элементом этой безопасности. По крайней мере, будете знать, жив ли я, здоров, не случилось ли со мной чего.

Нельзя было сказать, что Александр преувеличивал. Опасность для его жизни была вполне реальной – это безусловно. Я понимал, что частые посещения адвоката могут повлиять на тех, кто задумал в отношении него какую-либо провокацию.

– К тому же, – сказал Солоник, – тут рядом сидит Сергей Мавроди, так к нему адвокат каждый день ходит и сидит с ним с утра до вечера.

Предугадывая дальнейшие слова, я сразу сказал, что у меня нет возможности сидеть в кабинете с ним целый день, так как у меня есть и другие клиенты. Тогда Александр сказал:

– Давайте вы от них освободитесь. Вам будут больше платить.

Я сказал, что не могу, дело не в деньгах. Я не могу бросить людей – ведь решается их судьба.

– Это верно, – сказал Александр. – Хорошо, пусть вы пока будете ко мне ходить каждый день на какой-то промежуток времени. И еще. Если вы увидите Наташу, передайте ей, пожалуйста, что я написал заявление о предоставлении мне в камеру телевизора. Пусть она купит нормальный, японский телевизор с небольшим экраном и обязательно с пультом. Остальное я ей все написал.

У меня сразу мелькнула мысль: «Значит, он имеет с ней какую-то связь!»

Я спросил у него:

– А кто с тобой в камере сидит?

– Я сижу в одиночной камере. Вообще-то она рассчитана на четверых, там четыре шконки, но сижу я один. Одному сидеть неплохо, – добавил он, улыбаясь, – поэтому я составил список, что мне нужно принести: кофеварку, телевизор, холодильник. Пусть все приготовит и через прием передач все передаст.

Я спросил:

– Может быть, принести что-нибудь из еды?

– Нет, ничего не нужно. Я здесь нормально питаюсь.

– В каком смысле нормально? Тюремной пищей, что ли?

– Нет. Тюремной пищи я не трогаю вообще. Мне пищу доставляют другим путем, достаточно хорошую, с этим проблем нет, только холодильник нужен.

– Не волнуйся, я все передам, – сказал я.

– Тогда, пожалуй, все. До завтра.

– До завтра. Завтра мы опять с тобой встретимся.

– В какое примерно время вас ждать?

– Здесь очень трудно проходить. Я должен разработать определенную систему, поскольку большая очередь из адвокатов и следователей.

На этом мы расстались. Я вызвал конвоиров, расписался в листке, и Александра увели.

Через несколько минут я покинул следственный изолятор Матросская Тишина. Выйдя за порог, я с облегчением вздохнул. Главная опасность, или страх неизвестности, миновала. Конечно, по-прежнему определенная опасность существует, и я это понимал.

Я прошел несколько шагов до своей машины, сел, завел мотор и отъехал. Я повернул было в переулок, но тут меня догнал темно-зеленый джип «Чероки». Окошко открылось, и я увидел сидевшую за рулем Наташу. Она делала мне знаки, чтобы я остановился.

Я остановил машину. Наташа также заглушила мотор, вышла и обратилась ко мне:

– Ну как, вы его видели?

– Конечно, видел. Все нормально, – постарался приободрить ее я. Коротко рассказал ей о своих впечатлениях.

– Как он вам?

– Да все нормально. Он просил передать вам про телевизор...

– Я знаю, знаю. Он список прислал.

У меня опять возник вопрос: «Откуда между ними существует связь?»

– Когда вы собираетесь к нему снова? – спросила Наташа.

– Завтра.

– В какое время?

– Я еще не знаю. Это очень трудно рассчитать. Ведь у нас в каждом изоляторе открывается доступ для следователей и адвокатов в девять утра. Но на самом деле люди приезжают в шесть-семь часов утра, заранее записываясь в очередь, поскольку в каждом изоляторе ограниченное количество кабинетов, а желающих гораздо больше. Поэтому и получается – кто раньше приехал, у того и больше гарантий на посещение. Мне нужно разработать какую-то систему, чтобы попадать к нему каждый день как можно раньше – в первой или во второй группе, чтобы меньше тратить времени, потому что можно простоять в этой очереди полдня.

Вскоре система прохода в следственный изолятор в первой группе была мной разработана. Я не могу раскрывать свои тайны, как я делал это, но практически каждый день я приходил к Александру. В девять утра я уже был в кабинете и вызывал Солоника для очередной беседы. После первой встречи последовала вторая, третья, четвертая... Посещал я его практически каждый день, кроме выходных.

Мы заметно привыкли друг к другу.

Конвоиров, которые выводили Солоника, было трое, менявшихся в зависимости от смены. Я заметил, что они относятся к Александру сочувственно и с достаточным уважением. Они понимали значимость его фигуры. Ведь значимость и авторитет того или иного подозреваемого, находящегося в следственном изоляторе, обычно складывались из многих понятий: в какой камере он находится, принадлежит ли эта камера к так называемому спецблоку, то есть к элитному, по какой статье он сидит, как он одет, дорогой ли на нем спортивный костюм с кроссовками, как оборудована его камера, есть ли там телевизор, электробытовые приборы, и самое главное – как часто к нему ходит адвокат. Это определяет значимость любого клиента. Чем чаще к нему ходит адвокат, тем более богатый и более солидный подследственный находится в данном следственном изоляторе, поэтому, конечно, к Солонику было достаточно высокое уважение со стороны конвоиров.

Надо сказать, что Солоник отвечал им взаимностью. Он приветливо к ним относился, выполнял их требования – он мне потом рассказывал об этом, – никогда не нарушал правил внутреннего распорядка за все время пребывания в следственном изоляторе. Поэтому за это время – почти девять месяцев – к нему никакие меры воздействия не применялись, чего нельзя сказать о других обитателях Матросской Тишины.

Что касается наших разговоров, то на темы, связанные с подготовкой дела, мы не разговаривали, поскольку не было еще главной экспертизы – ни баллистической, ни криминалистической, и соответственно обсуждать и готовиться было не к чему.

Солоник был оптимистом. Вначале, по крайней мере, в первый период своего пребывания в изоляторе, он успокоился, иногда даже говорил, что тут хорошо, тихо и спокойно, никто тебя не беспокоит и не напрягает. Часто мы с ним обсуждали всевозможные события, например, связанные с выходом того или иного кинофильма, часто обсуждали и криминальные новости, которые он узнавал из телепередач или читал в газетах, которые получал. Из его рассказов было ясно, что он знал многих из представителей криминального мира.

Как-то даже был момент, когда мы с ним обсуждали достаточно интересный боевик, который показали по телевидению. И вот тогда Солоник сказал, что в принципе он бы мог

про себя снять еще более крутой боевик или написать книгу. Тогда я как бы с усмешкой спросил его:

– А что тебе мешает сделать это? Давай я договорюсь с режиссерами, с редакторами – опубликуем твою книгу.

Солоник в какой-то степени увлекся идеей и стал этим заниматься, но через несколько дней, когда я спросил у него, как дела на литературном поприще, пишет ли он книгу, он ответил:

– Да, конечно, все это можно написать, но, к сожалению, не при моей жизни, так как если я это напишу и издам, то мне после этого жить не придется. Поэтому если я что-то напишу, то публиковать это можно будет только после моей смерти.

Этот разговор я отчетливо вспомнил после его гибели, а также после телефонного звонка из Греции, который был накануне его смерти.

Из бесед с Солоником я узнал, что он вел активную переписку через так называемые «малявы» (тюремные записки), переправляемые из одной камеры в другую, со многими обитателями соседних камер. Он даже списался с вором в законе, который сидел над ним, – с Якутенком, достаточно авторитетным вором. Впоследствии он говорил мне, что он переправлял через Якутенка определенные суммы в «общак» – кажется, тысячу долларов.

Часто мы говорили и об оружии. Я обратил внимание, что Солоник был к нему очень неравнодушен. Иногда он, просматривая тот или иной журнал, которые я ему приносил, подолгу засматривался на рекламу какого-нибудь пистолета и потом высказывал свое мнение. Я понимал, что, безусловно, он хорошо знает оружейную технику.

Иногда мы с ним заводили разговор про лагерь, в котором, скорее всего, он будет отбывать срок. Солоник был уверен, что не получит высшую меру наказания. Об этом говорило и то, что Россию должны были принять в Совет Европы, а одним из условий принятия была отмена смертной казни. По мнению Солоника, он должен был быть отправлен в знаменитый Белый Лебедь, так как это колония строгого режима для особо опасных преступников-рецидивистов.

За все время нашего общения с лица Солоника не сходила улыбка. Его поведение было достаточно ровным, и ничто не предвещало изменений. Однако такое событие произошло.

Громом среди ясного неба были две статьи. Первая – в газете «Известия», которая появилась 10 января 1996 года, автором ее являлся некий Алексей Тарасов. Называлась она «Наемный убийца. Штрихи к портрету легендарного киллера». Вторая статья выходит через месяц в газете «Куранты» – «Курганский Рэмбо». Автор этой статьи – ставший впоследствии знаменитым писателем – Николай Модестов, выпустивший книгу «Москва бандитская». Это были «черные» статьи. Но все по порядку.

Как раз 10 января мне позвонила Наташа, подруга Солоника, и попросила о встрече. Мы с ней встретились через несколько часов. Лицо ее было заплаканным, она была бледной, в руке держала газету, которую тут же протянула мне и сказала:

– Посмотрите, что они сделали!

Я взял газету – это были «Известия», открыл ее и прочел. В статье впервые называлась фамилия Солоника, говорилось, что он являлся киллером, устранившим – следовало перечисление Глобуса, Рэмбо, Бабона, Калины, и многое другое, но вся информация резко негативная.

– Как быть?! – спросила Наташа. – Ему ни в коем случае нельзя показывать эту газету!

Я согласился с ней:

– Хорошо, не будем. Никто об этом не узнает.

Ближе к вечеру она вновь позвонила мне и попросила встретиться с ней. При встрече она сказала:

– Я подумала, все-таки надо показать ему газету. Пусть знает реальную обстановку, которая складывается вокруг.

А обстановка действительно была очень серьезной. Впервые Солоника назвали киллером, устранившим таких представителей элиты преступного мира. И конечно, обнаружение этой информации преследовало какую-то цель. Может быть, правоохранные органы хотели избавиться от Солоника путем мести со стороны «кровников» – тех, кто стоял близко к убитым лидерам преступного мира.

У меня была очень трудная миссия – принести и показать Александру статью. Этот день я запомнил надолго.

Утром, как всегда, я пришел в следственный изолятор, вызвал Солоника и стал ждать, пока он придет, обдумывая, как преподнести ему эту статью.

Солоник вошел, как обычно, в сопровождении конвоира. Как всегда, конвоир пристегнул его наручник к стулу. Через некоторое время Солоник совершенно свободно снял наручники и спросил, почему я такой невеселый, что случилось.

Тогда я показал ему газету. Он быстро прочел статью, и тут произошел взрыв. Он стал ходить по следственному кабинету из угла в угол и кричать:

– Как же так?! Почему они написали про меня? Они ничего про меня не знают! Почему они ко мне не пришли? Почему они называют меня подонком? Почему они называют меня преступником, ведь суда еще не было! Еще ничего не доказано, а они уже сделали меня преступником! Эх, был бы я на свободе!.. – сказал он, вероятно, недоговаривая, что могло бы ждать авторов этой статьи, если бы он был свободен.

В таком возбужденном и злом состоянии я его никогда еще не видел.

Потом был второй день, когда вышла статья Н. Модестова в «Курантах», и он так же негодовал и протестовал, но, к сожалению, сделать ничего не мог. Он прекрасно понимал, что после этой статьи, возможно, начнется какая-то тюремная интрига в отношении него. Он понимал, что всю политику в следственных изоляторах держат либо воры в законе, либо «смотрящие» – лица, наиболее авторитетные в уголовной среде, назначенные теми же ворами в законе. Поэтому необходимо было как-то определить их отношение к тому, что было опубликовано в газетах.

Александр сказал:

– С Якутенком я сейчас спишусь. Но сюда еще один жулик заехал, я постараюсь «пробить» его (то есть установить отношение к нему).

Тогда я еще не знал, что с воли пришло письмо, подписанное четырнадцатью ворами в законе, приговорившими Солоника к смерти. Причем двенадцать из этих воров были кавказцами. Потом, когда мне об этом рассказал один из оперативников следственного изолятора и это подтвердили другие клиенты, я представил, насколько серьезной была опасность ликвидации Солоника в стенах следственного изолятора.

Весной, в апреле, пришел следователь. Это был молодой парень лет тридцати. Впоследствии он станет заместителем прокурора одного из районов Москвы.

Следователь очень сухо вел допрос Солоника. На допросе присутствовал еще один адвокат, Алексей Загородний. Следователь задавал вопросы, связанные с оружием.

Солоник охотно рассказывал, потому что отрицать факт, что в его квартире хранилось оружие, не имело смысла, все оно было с его пальцами, да и наказания особо большого за это ему не грозило – максимум три года. Поэтому он очень подробно рассказывал о своем арсенале. А арсенал был достаточно велик.

Через несколько дней мы с коллегой поинтересовались результатами экспертизы. Следователь сказал, что ожидает его в ближайшую неделю. И он не обманул. Мы с нетерпением ждали момента, когда можно будет все узнать.

Наконец момент настал. Следователь при встрече протянул нам пять или шесть листов машинописного текста на бланке с печатями экспертного совета. Первой была экспертиза криминалистическая, второй – баллистическая. Первую мы сразу дали читать Солонику. Он взял листок и углубился в чтение. Когда он дошел до выводов, то пришел в негодование и снова стал кричать:

– Я не убивал троих милиционеров! Я не мог убить милиционеров!

Он тут же схватил листок бумаги и карандаш и стал что-то рисовать.

– Вот тут стояли они: тут, тут и тут. Здесь стоял я. Раздались выстрелы – я побежал. Как я мог за такое короткое время убить троих? Это невозможно! Совершенно невозможно! – стал быстро говорить он и обратился ко мне: – Но вы-то верите, что я не мог убить троих?

– Я тебе верю, – ответил я. – Я обязан тебе верить – я твой адвокат.

Но Солоник не успокоился.

Потом мы прочли заключение баллистической экспертизы. Она показала, что бойки патронов были специально сточены, чтобы пуля была смертельной. Все это возмутило Солоника. Он пытался доказывать, что экспертиза неправильно сделана, что заключение не соответствует действительности. На это следователь ответил:

– Будете доказывать все в суде, у вас опытные адвокаты.

– Суд? Я представляю, что это будет за суд, если вы сделали такую экспертизу – фальшивую. На что мне теперь надеяться?!

Мы, чтобы выдержать паузу, вышли с коллегой из кабинета, оставив следователя наедине с Солоником. Спустя несколько минут из кабинета выскочил следователь, весь красный. Мы удивленно спрашиваем его:

– Что случилось? Он что, пытался на вас напасть?

– Да нет, он не напал на меня. Он просто предлагал мне деньги, причем крупные.

– Сколько? – поинтересовались мы.

– Миллион долларов.

– И что же вы?

– Конечно, отказался. Теперь придется писать докладную записку.

– А стоит ли это делать, если вы отказались? – спросил его я.

– Я обязан написать.

Я понял, что, видимо, наши беседы прослушивались и записывались.

После заключения экспертизы Солоник резко изменился. Он перестал быть жизнерадостным, веселым. Замкнулся в себе, о чем-то думал, не всегда был расположен к разговору. Мысль о побеге появилась у него, наверное, именно тогда, когда стали известны результаты экспертизы. И, скорее всего, когда пришло письмо со смертным приговором от воров в законе. Он прекрасно понимал, что шансов выжить у него нет. Поэтому именно в этот период он настроился на побег.

Тогда я еще не знал, какую сенсацию подготовил для меня Солоник.

6 июня я молча поднялся на второй этаж, взял два листка вызовов клиентов и стал неторопливо заполнять их. Первый листок я заполнил традиционно на Солоника, подчеркнув при этом «9-й корпус, камера 38». Когда я протянул листок дежурной по картотеке, она удивленно взглянула на меня, сделал паузу, и молча протянула листок обратно. Я взял листок, повернулся и хотел идти, как вдруг ко мне подошли два человека и, назвав меня по имени-отчеству, попросили пройти с ними на беседу в один из кабинетов.

Мы прошли по коридору и оказались у двери кабинета, на которой висела табличка с фамилией хозяина кабинета и его должностью – заместитель начальника следственного изолятора по режиму. Я сразу понял: что-то случилось.

Войдя в кабинет, я поздоровался. В кабинете находилось четыре человека. Хозяин кабинета, майор, молча сидел у стола. Вид у него был невеселый. Рядом с ним сидел какой-то капитан. Еще двое в гражданском сидели немного поодаль.

Все молчали. Сотрудники, доставившие меня, сказали:

– Вот его адвокат, – и назвали меня по фамилии.

Мне предложили сесть за стол. Началась беседа.

Первый вопрос, который задали мне, – когда в последний раз я видел Солоника. Он показался мне очень странным и неуместным. Я подумал: «Зачем вы меня об этом спрашиваете, если все визиты записываете в журнал, как и визиты других адвокатов? У вас установлены видеокамеры, прослушивающие приборы...» Я сказал, что последний раз видел его, по-моему, в пятницу, а после этого я не был у него неделю, так как отдыхал.

– А вы не заметили ничего подозрительного? Например, странное поведение Солоника или что-то, скажем, нехарактерное для него в последнее время?

– А что значит – в последнее время?

– Ну, что он говорил вам накануне?

– Накануне чего?

Мои собеседники молчали. Первая мысль, которая неожиданно пришла мне в голову, – вероятно, Солоника убили. Значит, письмо воров в законе, присланное недавно, подействовало. А может быть, он кого-то убил в разборке? А может быть, в конце концов, самоубийство...

– А что случилось? – спросил я с нескрываемым волнением.

Вероятно, собеседники изучали мою реакцию и выясняли, насколько я посвящен в произошедшие события. Майор, хозяин кабинета, молча посмотрев на людей в гражданском, которые кивнули ему, ответил:

– Произошло то, что ваш клиент вчера ночью, вернее, сегодня утром бежал.

– Как бежал?! – вырвалось у меня. – Не может быть! Разве отсюда можно убежать?

Я вспомнил, насколько девятый корпус и следственный изолятор серьезно охраняются. Это была практически тюрьма в тюрьме.

Майор неохотно ответил, пожав плечами:

– Выходит, возможно.

Когда я сел в машину и направился в сторону своего дома, я включил радио и услышал новости. Через каждые 15 минут все московские радиостанции передавали сенсационное сообщение о побеге из Матросской Тишины.

Всю дорогу я думал о Солонике – почему он убежал? Вдруг его убили, а пытаются инсценировать его побег? Нет, все же, наверное, убежал. А что же будет со мной? Какие будут предприниматься действия? То, что за мной будут следить, – очевидно. Но могут ли они провести обыск у меня дома? Внутренний голос ответил мне: «А что ты волнуешься? Ведь у тебя нет ничего такого». Нет, но могут подбросить... Ведь им нужен стрелочник.

Побег Солоника Как это было

Идея побега пришла мне в голову еще весной. Как зарождалась идея побега? С чего это началось? Наверное, с того, что я эту идею вынашивал постоянно, с первого дня пребывания в СИЗО. Но тогда я еще не был готов к побегу. Ранение, удаление почки, слишком большая потеря крови и сил не давали мне такой возможности. Кроме того, мне нужна была поддержка работников следственного изолятора.

Весной, когда следователь принес результаты экспертизы и на меня стали вешать всех троих ментов, я был взбешен такой несправедливостью, это была одна из главных причин. Вторая причина – я узнал, что пришла «малява» от воров, которые вынесли мне смертный приговор. Подписали его то ли 11, то ли 12 воров. Для СИЗО или зоны это было приказом, требующим беспрекословного исполнения. Мало-мальски уважающий себя зэк, мечтающий о близости к ворам, посчитает честью для себя выполнить такой приказ.

Наконец, мой адвокат постоянно говорил мне, что приговором суда в отношении меня вряд ли будет смертная казнь и даже если все-таки смертная казнь, то она будет впоследствии отменена, так как Россия готовится вступить в Совет Европы, а требования Совета предусматривают неприменение смертной казни в качестве наказания. Но даже, допустим, если меня не расстреляют, то какой срок по приговору я могу получить? 15—20 лет будут вычеркнуты из жизни. И смогу ли я провести все эти годы в неволе? Конечно, нет. И нет никакой гарантии, что когда я попаду в зону, то проживу там больше недели – туда тут же придет «малява» с приговором воров в отношении меня. У меня уже были подобные истории – в Пермской зоне, в Ульяновской.

Так что идея побега сформировалась окончательно и бесповоротно.

Я стал думать, как это лучше осуществить. Вариантов было несколько. Первая идея – захватить заложника: кого-нибудь из вертухаев или оперов следственного изолятора. Но это было бы очень опасным, и для этого было необходимо оружие или хотя бы заточка. Да и вызванный спецназ или ОМОН наверняка изрешетит меня и заложника не задумываясь.

Захватить в заложники адвоката, пускай даже постороннего, будет запахло.

Второй вариант – перепилить решетку в камере. Это тоже нереально. Сколько мне придется ее пилить? И нет гарантии, что это не будет раскрыто.

Третий вариант, которым я воспользовался, пришел мне в голову неожиданно. Я прекрасно помню этот день. В апреле, когда солнце уже было по-весеннему теплым, я совершал прогулку по крыше следственного изолятора. Я обратил внимание, что крыша огорожена тонкой стальной сеткой, опоясанной сверху рядом колючей проволоки. Я очень внимательно осмотрел проволоку и увидел, что никакого подключения к электрической сети не было. Оставалось только определить, куда выходит крыша, в какую сторону.

Один скат ее выходил на внутренний двор тюрьмы, а другой – на улицу. Об этом было нетрудно догадаться, потому что оттуда время от времени доносились голоса людей и звуки идущего транспорта.

Нужно было выяснить, на какой высоте находилась крыша здания. Но этого я сделать не мог, поскольку не видел тюрьмы снаружи.

После этого у меня родилась на первый взгляд фантастическая идея – сбежать через крышу с помощью альпинистского шнура. Я вернулся в камеру взволнованным, ничего не ел, не пил, только думал о побеге. В тот момент мне казалось, что все это нереально.

Прошло два-три дня. Я все еще считал, что мой план провалится на первом же шагу, что я буду либо убит при попытке к бегству, либо просто ничего не получится. Но – выхода не было.

Целыми днями я обдумывал план побега. Постоянно чертил схемы на листках бумаги, вычерчивал примерный метраж, рассчитывал время, указывал места, на которые нужно обратить особое внимание. Каждый раз, когда меня выводили на прогулку, я внимательно вглядывался в каждый предмет. Я уже определил, что, по существу, в коридоре, через который меня водят, стоят два или три монитора. Оставалась проблема – как их отключить? Надо было как-то себя спасти.

Каждый день в камере я продолжал разрабатывать планы и схемы побега. Потом, когда я приходил к какому-то определенному варианту, я сжигал их, чтобы не оставлять никаких следов.

Вскоре я посвятил в свои планы своего коридорного конвоира Сергея. Он был ошарашен. Но, поскольку он уже был мною завербован, отступать было некуда. Его задачей было согласовать все с людьми Бориса Петровича на воле. Вскоре мне принесли рацию, от людей Бориса Петровича я узнал, что высота здания примерно 25—30 метров.

Следовательно, нужен шнур соответствующей длины. Напротив здания находится жилой дом, состоящий из пяти или шести этажей, с металлической крышей, которая значительно ниже крыши следственного изолятора.

Для побега я заказал следующее оборудование: альпинистский шнур из очень прочной капроновой нити, не меньше 25 метров, хорошие кожаные легкие перчатки, несколько карабинов. Заказал ствол типа «глока» 17-зарядный, мой любимый. Но впоследствии мне заменили его на «макарова», объяснив это тем, что конвоиру легче пронести «макарова», сославшись на то, что это его оружие. Заказал миниатюрную радиостанцию, чтобы переговариваться со своими людьми из организации; по выходным они подъезжали на машине к стенам тюрьмы, и мы вели переговоры.

Кроме этого я заказал быстродействующий яд, чтобы в случае, если меня задержат, умереть сразу, чем подвергнуться пыткам, избиениям и дальнейшей каторге и мучениям. Так я решил.

Все это я потом получил через Сергея. «Волыну» он занес мне только в день побега, остальное у меня было спрятано в разных местах, например в холодильнике, который я по ночам разбираю и сделал в нем что-то вроде тайника.

Для побега я выбрал ночь с субботы на воскресенье. Получилось так, что Сергей дежурил по графику только в ночь с пятого на шестое июня, то есть с воскресенья на понедельник. Это было не очень благоприятное время. Лучше всего было бежать с субботы на воскресенье, так как люди отдыхают и им будет трудно меня выследить. Но пришлось подстраиваться. Если Сергею затеять обмен с кем-нибудь, это может вызвать подозрения, и мы решили: пусть это произойдет в ночь с воскресенья на понедельник.

К этому времени к побегу было подготовлено практически все. Было оборудование, тщательно вычерчен план, рассчитано время хронометража.

Я стал замечать, что в последнее время Сергей, приходя на дежурство, заходит ко мне все чаще и чаще в нетрезвом состоянии. От него постоянно разило спиртным. У меня стали возникать сомнения – а вдруг он в назначенный день также придет нетрезвым?

Я много думал накануне побега. Не спал совершенно. Мне стали чудиться кошмары – как меня подстреливают при побеге, как потом меня расстреливают в тюрьме. Все это было очень неприятно. Утром даже мелькнула мысль: а вдруг органы готовят против меня провокацию, подставляя Сергея. Мол, будет убит при попытке к бегству. Но я старался гнать от себя подобные мысли. У меня был единственный шанс, и нужно было попытаться его использовать.

Тот воскресный день я буду помнить всю жизнь. Утро было солнечным и тихим. В тюрьме было спокойно, никого не вызывали к следователям и адвокатам, громко играла

музыка – в последнее время почему-то стали транслировать музыку, вероятно, для того, чтобы затруднить перекрикивание между зэками. Все было спокойно.

Утром ко мне, как обычно, постучали, открылась кормушка, и мне протянули завтрак, от которого я отказался, так как практически никогда не употреблял тюремную еду. Я посмотрел в маленькое окошко и увидел, что на улице теплая и солнечная погода, у меня даже сердце защемило при мысли, что я поздним вечером уже могу быть на свободе.

Сверху кто-то стучал кружкой. Я подумал: «Это, наверное, стучит мне Якутенюк». Между мной и вором в законе Якутенюком, камера которого находилась надо мной, в последнее время установились достаточно хорошие отношения. Мы постоянно обменивались «малявами», где вели разные разговоры «за жизнь». Но в последние дни «малявы», которые приходили от Якутенюка, были наполнены какой-то странной идеей, что жизнь не вечна, что мы все равно все будем в земле. Не знаю, почему он писал мне такое. Может быть, он уже знал, что мне вынесен приговор, и как-то по-своему хотел меня успокоить.

Но неожиданно пришла «малява». Я ее внимательно прочел: «Сашок, браток, когда к тебе придет адвокат, закажи еще что-нибудь для меня, чтобы мне передали почитать. Книжки кончились. А ты, кстати, что читаешь? Отпиши мне, братишка!» Внизу была приписка: «Напиши, если вечером есть что-то по ящику интересного». Я написал ему короткий ответ и тут же отослал его по веревочке обратно.

Я посмотрел на часы. До начала дежурства Сергея оставалось еще немного времени. Я включил телевизор, стал смотреть. Шла какая-то передача, даже не помню какая – «Клуб путешественников», что ли. Мне захотелось на улицу. Мысль о том, что, возможно, скоро я буду на свободе, не давала мне покоя. Я задергался, начал ходить по камере. Улучив момент, когда я был около кормушки, через которую было слышно, что по коридору никто не ходит, я быстро подошел к холодильнику и проверил, все ли на месте. Шнур и другие приспособления, заранее принесенные мне, лежали наготове.

Времени до начала дежурства Сергея оставалось не более часа. Примерно в девять часов должен быть первый сеанс радиосвязи, который будут проводить со мной люди из организации Петровича, заранее подъехавшие к тюрьме и наблюдающие за обстановкой. Но время шло необыкновенно медленно.

Вскоре стали стучать из соседней камеры. Там с группой грабителей и вымогателей сидел доходяга Мишка. С ним у меня тоже сложились достаточно теплые отношения, от которых, правда, в последнее время я стал уставать, потому что он все время лез со своими просьбами, начиная от мелочовки и кончая тем, что стал даже просить, чтобы я посоветовал ему адвоката. Я уговорил своего адвоката взять защиту этого Мишки, который тут же стал доставать его различными просьбами.

Я взял кружку и поднес к стене, чтобы послушать его сообщение. Это был наш местный телефон, по которому мы переговаривались. Он в очередной раз спрашивал меня, нет ли у меня немножко кофейку – у них кончился кофе. Я повернул кружку другой стороной и ответил, что есть, готовь контейнер, сейчас зашлю. После этого я взял коробок спичек, тонкую бумажку, скатал что-то типа сигаретки, отсыпал ему туда кофе и стал ждать, когда эта веревочка придет ко мне в камеру. Вскоре это произошло.

Когда я отправил «контейнер», мне в голову неожиданно пришла мысль: как же так получилось, что в спецкорпусе, где содержатся особо опасные преступники, ни с того ни с сего в камере с грабителями и убийцами, которым грозят большие сроки, мог оказаться Мишка – наркоман, угонщик машин, которому могут дать не более трех лет? Зачем он там оказался и случайно ли это? И вообще, почему он лезет ко мне со своей дружбой?

Наверное, произошел какой-то психологический надлом накануне побега, и я уже стал подозревать даже собственную тень. Но опять с помощью своих специально разработанных аутотренинговых упражнений я стал отгонять эти мысли. Я взял журнал и стал рассматри-

вать его. За последнее время у меня скопилось много журналов по автомобилям, по путешествиям. С обложек на меня смотрели полуобнаженные красавицы в купальниках. Я вспомнил Наталью, и у меня возникло желание. Но я взял себя в руки – надо сидеть и ждать. До побега осталось совсем немножко.

Началось дежурство Сергея. Он обычно приходит ко мне минут через 30—40 после начала. Я стал смотреть на часы. Прошел уже час, а Сергея все не было. Полтора часа – Сергея нет. В голову стали лезть разные мысли: а вдруг его раскрыли, а вдруг он испугался и не пришел, а вдруг явился с повинной, а вдруг в конце концов... Нет, не надо об этом думать. Надо чем-то отвлечься.

Я опять включил телевизор. Передавали какой-то концерт. И тут я услышал знакомые шаги. Двери соседней камеры открылись – видимо, кого-то выводили на прогулку. Через тридцать минут должна подойти моя очередь. И точно, через полчаса открылся засов, и Сергей грозно закричал:

– Заключение, на прогулку!

– Да, конечно, гражданин начальник, – ответил я ему.

Дверь открылась, я вышел. Внимательно посмотрел на Сергея.

Слава богу, он был совершенно трезв, но лицо его было взволнованным. Видимо, он тоже боялся. Я посмотрел внимательно на его одежду, пытаюсь понять и вычислить его намерения. Одет он был обычно – в традиционную форму службы внутренних войск: зеленые брюки, зеленая рубашка без галстука, погоны прапорщика и хорошие белые кроссовки. Так, кроссовки – это интересно. Значит, все остается в силе.

Сергей подал мне знак, что все идет по плану. Мы пошли по коридору. Притормозив возле первой железной двери, я кивнул ему на видеокамеру, просматривающую коридор. Когда мы прошли ее, Сергей показал мне знаком, что все схвачено. Потом, уже после побега, мне рассказали, что в этот день Сергей заранее получил специальный прибор, который при подключении к электрической сети с помощью «крокодильчиков» вывел из строя сразу три монитора на третьем этаже спецкорпуса № 9 и на лестнице.

Постепенно мы поднимались по лестнице, ведущей на крышу. По дороге встретился прапорщик, знакомый Сергея. Они постояли и поговорили о чем-то. Я в это время стоял лицом к стене. Потом Сергей повел меня дальше, время от времени перестукиваясь большим ключом – «вездеходом», который мог открывать любые двери, кроме последней, предупреждая, что ведет заключенного.

Наконец мы подошли к последней двери. Я посмотрел на замок. Замок остался тот же, никто его не менял. Теперь меня интересовала каждая деталь. Мы вышли на крышу. Я внимательно осмотрелся кругом. Все было по-старому: металлическая сетка так же опоясывала тюремный дворик, сверху – колючая проволока. Но ее заранее уже подпилили.

На прогулке я был минут двадцать. Не хотелось расходовать свои силы. Я вернулся в камеру. Нужно было немножко отдохнуть и поужинать. Я прилег на шконку. Лежал и думал. Снова в голову полезли разные мысли. Я старался отделаться от них и включил телевизор. Шел какой-то фильм, детектив. Я пытался мысленно подготовить себя к побегу.

Приближалось время сеанса радиосвязи. Я достал из холодильника миниатюрную рацию, включил настроенную волну. Связь, как всегда, была лаконичной. Я услышал знакомый голос человека из организации:

– У меня все нормально. Как настроение?

Потом тот же голос сказал, что все контролируется, на крыше дома поставили своего человека, он отслеживает обстановку. После я узнал, что на крыше специально были посажены два снайпера. Один следил за воротами тюрьмы, чтобы видеть, как я буду спускаться. Он должен был меня подстраховать: если выскочат охранники, он должен был уложить их на месте. На самом деле, я думаю, он должен был уложить меня, чтобы я не достался ментам

живым. Второй подстраховывал другую сторону тюрьмы, где находились другие ворота. На противоположной стороне улицы стоял «БМВ» с тонированными стеклами, поджидающий меня.

В камеру снова зашел Сергей. Ничего не говоря, показал на отворот военной рубашки. Я увидел ствол «макарова». Он кивнул головой, спрашивая, куда его положить. Я взял «макаров» и спрятал в холодильник. Сергей вышел, похлопав меня по плечу.

Когда он ушел, я стал прислушиваться к звукам в коридоре. Там все было тихо, никто не ходил. Я подошел к унитазу, развернул «макаров» и проверил патроны. Все они были на месте. Загнать патроны в ствол я пока еще не решался. Теперь надежда была и на него. Хотя, с другой стороны, я не хотел бы, чтобы он мне пригодился. Но если что-то случится, я использую все патроны до последнего.

Десять часов вечера. До побега оставалось каких-то два часа. Вновь появился Сергей, как бы проверяя, все ли со мной в порядке. Наклонился ко мне, и я почувствовал, что от него пахло спиртным. Я спросил его:

– Зачем?

Он ответил:

– Я специально принес бутылку водки, чтобы напоить своего напарника, как-то его изолировать.

– Только ты сам не набирайся, – сказал я ему на ухо.

– Все будет нормально! Отдыхай пока!

Я остался один. Лежал, смотрел на стрелки часов. Было 22.30. Примерно через час я должен буду достать все свое снаряжение – альпинистский шнур, ствол, перчатки – и быть готовым к побегу. Но тут неожиданно я услышал, как из камеры, что напротив моей, раздался крик и сильный стук в дверь. Кто-то звал конвоира. У меня сердце чуть не остановилось – неужели что-то случилось?!

Вскоре появился Сергей. Он вошел в камеру, что-то стал говорить. Потом Сергей вышел и побежал по коридору. Минут через десять появились несколько человек, и в камере началось какое-то движение. Я с волнением думал: что же там такое? Вдруг все сорвется?!

Наконец звуки стихли, дверь в камеру закрылась. Ко мне заглянул Сергей, показал жестом, что все о'кей. Я вопросительно посмотрел на него: что случилось?

– Там одному плохо стало.

Потом я узнал, что у кого-то из соседней камеры начался приступ то ли аппендицита, то ли язвы и вызвали врачей. Я немножко успокоился, снова стал думать о побеге.

Время шло. Я открыл холодильник, вытащил ствол, загнал патроны. Обмотал себя альпинистским шнуром, в карманы положил карабины, приготовился... И вдруг – снова крики, снова стук из соседней камеры. «О господи, опять началось! Наверное, не судьба», – подумал я.

Опять беготня, опять пришли врачи. На сей раз врачи пробыли в камере около пятнадцати минут. Была уже полночь. Меня ждали. Наступило время побега. Что же делать? А Сергей – все еще в соседней камере.

Я услышал, как кого-то выносят из камеры. Вероятно, решили госпитализировать больного. А вдруг вместе с ним придется ехать Сергею?! Опять в голову полезли кошмарные мысли. У меня уже появилось желание – если кто-то войдет ко мне в камеру, прикончить его, а потом и себя. Нервы были на пределе.

Я посмотрел на часы. Было уже пятнадцать минут первого. Люди ждут и волнуются. Но уходить сейчас было нельзя.

Медленно, практически без звука, открылась дверь камеры. Но в камеру никто не вошел. Что же это может быть?! Я выглянул – стоит Сергей, кивает, весь трясется. Наверное,

и я выглядел не лучше. Мы молча вышли. Он хлопнул меня по плечу, как бы показывая – вперед! Закрыл камеру. Потом ударил себя по лбу и сказал:

– Постой, нужно вернуться.

– Зачем?

– Нужно!

Я вернулся в камеру, взял скомканную одежду, положил ее на шконку, укрыл одеялом – создал видимость, что я лежу. Ведь наверняка через тридцать-сорок минут после ухода Сергея из тюрьмы его хватятся, поднимется тревога, будет полный шмон по всем камерам. А у нас будет хоть несколько выигранных минут.

Мы снова вышли в коридор. Там никого не было. Мы пошли спокойно, но быстро. Сергей открыл первую дверь своим «вездеходом». Она открылась легко. Мы вошли в следующий отсек. Я смотрел на видеоглазок. Было невозможно определить, работает он или нет. Я кивнул Сергею и указал на глазок. Тот показал, что все нормально, все отключено. Следующая дверь. Перед тем как выйти на лестницу, ведущую на крышу, Сергей вышел один и посмотрел, нет ли кого впереди. Я потянулся к пистолету. Но тут Сергей кивнул: все в порядке. Мы быстро поднялись по лестнице.

Осталась последняя дверь, где был спецключ. Ключ отбирался у всех конвоиров после окончания прогулки и находился у дежурного по корпусу в опечатанном шкафу. Но Сергей заранее сделал дубликат ключа. Теперь я с волнением ждал, подойдет ли дубликат к замку. Сергей быстрым движением повернул ключ. Дверь не поддавалась. Он еще раз повернул ключ – все, дверь открыта!

Осталась площадка. Была полная темнота. На вышке никого не было. Мы быстро подошли к проволоке, специальными щипцами, принесенными Сергеем, перерезали металлическую сетку, а затем – и проволоку.

Быстро прикрепив к крыше шнур, я взглянул на Сергея. Он кивнул – давай! Сам же пошел обратно. По нашему плану Сергей должен был выйти через служебную дверь.

Я подошел к краю крыши. Подо мной была улица. Ехала какая-то машина, слева стояла большая группа людей, они жгли костер. Впоследствии я узнал, что это были родственники заключенных, которые собрались к понедельнику на свидания и на передачу посылок. Там было человек тридцать или сорок. А вдруг кто-то из них вызовет милицию?! Но что делать – чему быть, того не миновать! Неподалеку я увидел голубой «БМВ», стоящий в стороне. Меня ждали. Я посмотрел на противоположную крышу. Там я никого не увидел.

Быстрым движением я сбросил альпинистский шнур. Он стал спускаться вниз. Я все время боялся, как бы он не зацепился за проволоку, которая была протянута возле некоторых камер. Я обратил внимание, что земли шнур не коснулся. Значит, придется прыгать.

Я подошел к краю крыши, зажмурил глаза, взялся за шнур руками в надетых заранее перчатках и стал постепенно спускаться. Спускался я альпинистским способом, тормозя движение ногами, чтобы не было резких скачков. Примерно на полпути я услышал крики со стороны людей, греющихся у костра. Меня заметили. Слава богу, никто не бежал. «Ну все, – подумал я, – теперь меня могут точно выдать», – и стал торопиться.

Отпустив ноги, я начал стремительно спускаться вниз. Тут я заметил, как с другой стороны тротуара медленно отъехал «БМВ». Все, до свободы осталось чуть – чуть. Но нужно было прыгать, а высота – примерно два с половиной метра. Шнур кончился. Я прыгнул, упал на тротуар. И тут услышал со стороны костра одобрительные крики и аплодисменты. Слава богу, никто из них ко мне не подбежал. Я быстро подскочил к «БМВ», открыл заднюю дверцу и заскочил внутрь. Впереди сидел парень. Обернувшись ко мне, он улыбнулся и подмигнул мне:

– Ну, теперь держись!

И мы рванули по ночным улицам.

Арест Япончика

8 июня в 7 часов утра в Нью-Йорке агенты специального русского отдела арестовали знаменитого российского вора в законе Вячеслава Иванькова по прозвищу Япончик. Он находился на квартире своей знакомой женщины, и арест явился для него полной неожиданностью.

Иваньков освободился из тулунской тюрьмы в ноябре 1991 года, отсидев 10 лет из 14 объявленных ему судом. Однако в России он жил недолго и уже в марте 1992 года под видом сотрудника киностудии нелегально через ФРГ выехал в США. Там он поселился в Майами, однако затем переехал в Нью-Йорк, где у него был свой офис. Жил он на улице Хорнелл Луи в Бруклине, там же, где жил певец Вилли Токарев. По словам многих, он жил весьма тихо и незаметно и никогда своим положением не кичился.

Однако в феврале 1995 года к нему обратились представители банка «Чара», которые попросили Иванькова посодействовать им в получении их денег (3,5 миллиона долларов) с двух бизнесменов, живущих в Нью-Йорке. По словам самого Иванькова: «Я хотел помочь, чтобы они встретились и во всем разобрались. Потому что это же дикое предательство, они столько лет друг друга знали, вместе учились...»

Между тем это посредничество вышло боком самому Иванькову. Когда ФБР стало известно об этом, оно приняло решение его арестовать. К тому времени американская пресса уже расписала Иванькова как крестного отца российской мафии в США, и поэтому его арест лег на благодатную почву. Помимо него в тот же день в США были арестованы еще пять человек и трое объявлены в розыск. 27 июня из США пришло известие о том, что госдепартамент этой страны отказал Иосифу Кобзону в визе на въезд в США и аннулировал его многогоразовую визу. Многие наблюдатели связали это событие с арестом 8 июня в Нью-Йорке российского вора в законе Вячеслава Иванькова (Япончика).

Из американских газет

В США задержан король воров в законе Вячеслав Иваньков по кличке Япончик. На посвященной этому событию пресс-конференции в Нью-Йорке помощник директора Федерального бюро расследований Джеймс Келлстром заявил, что арест Иванькова – самый большой успех ФБР в борьбе с русской мафией. По его словам, столь значительных результатов ФБР сумело достичь благодаря взаимовыгодному сотрудничеству с Главным управлением по организованной преступности МВД России. Япончику и восьмерым членам его группировки предъявлено обвинение в вымогательстве. Сам вор в законе радости правоохранительных органов не разделил: когда два агента ФБР вели его в штаб-квартиру агентства, Иваньков плевался от злости и пинал ногами фотографов.

С арестом в Америке Япончика многие ожидали начала нового криминального передела и начала крупной бандитской войны, но, как ни странно, этого не произошло. Говорят, что законники и крупные авторитеты сумели договориться между собой. А может, никто не решился делить империю Япончика?

Криминальная хроника, август

Крупномасштабная операция против солнцевской преступной группировки проведена в Москве. Задержано несколько десятков активных участников группировки и ряд ее лидеров. Всего было проверено свыше ста адресов квартир и офисов. Причем оперативники нанесли визиты не только участникам солнцевской группировки, но и связанным с ней лидерам других московских уголовных бригад. Солнцевских же с раннего утра до позднего вечера отлавливали по всей столице. Например, крупной удачей оперативников стало задержание одного из лидеров солнцевской группировки, 32-летнего Алексея Кашаева по прозвищу Циклоп. Он был схвачен сотрудниками РУОПа возле Центрального телеграфа на Тверской улице. При обыске автомобиля Кашаева милиционеры нашли гранату «РГД-5» с запалом. А в его кармане руоповцы обнаружили удостоверение личности, из которого следовало, что Циклоп является майором Российской армии Пахомовым, начальником отделения по запуску ракет одной из областных частей ПВО. Водительские права преступного авторитета также были выписаны на Пахомова.

Из материалов уголовного дела

«В целях раскрытия тяжкого преступления, совершенного в марте 1995 года, в связи с убийством ведущего тележурналиста (Владислава Листьева), а также для предотвращения преступной деятельности солнцевского преступного сообщества провести ряд обысков в квартирах и помещениях лиц, подозреваемых в связях с солнцевской ОПГ. Список лиц и адресов прилагается.

В случае обнаружения орудий преступления, а также иных предметов, добытых преступным путем, возбудить соответствующие уголовные дела и провести соответствующее расследование по этому факту».

Стало ясно, что практически вся эта операция была связана с версией причастности солнцевской группировки к убийству тележурналиста Владислава Листьева.

В Москве была проведена крупномасштабная операция против солнцевских, в которой было задействовано более 500 милиционеров, причем привлекали не только штатные группы – СОБР, ОМОН, – но и рядовых гаишников. В результате этой операции были задержаны 23 солнцевских боевика.

Операция «Закат» была проведена с 8 до 23 часов. Для многих она была все же внезапной. Так, к штабу РУОПа на Шаболовке, съехалось много представителей милицейских служб на различных машинах. Все ждали конверты. Из штаба были вынесены конверты с адресами, там было указано отделение милиции, где необходимо было вскрыть их в определенное время. Представители милицейских бригад разъехались по отделениям и вскрыли там конверты. В них был указан конкретный человек, у которого необходимо было произвести обыск, и его адрес. Это делалось для того, чтобы не было никакой утечки информации.

Впоследствии удалось узнать, что произошла утечка информации и большинство членов солнцевской группировки были предупреждены о готовящейся операции и заблаговременно покинули свои квартиры и офисы.

Операция «Закат» Как это было

Одной из крупнейших операций с участием ОМОНа, СОБРа, а также ведущих подразделений РУОПа, ГУОПа, ГУУРа, МВД России была операция против солнцевской братвы под условным названием «Закат», которая произошла в конце августа 1995 года.

Ближе к вечеру этого дня мне позвонили из консультации и попросили срочно приехать, так как меня ожидали какие-то взволнованные клиенты. Не получив вразумительной информации, что это за клиенты, я поехал в консультацию. Там я увидел двух ребят спортивного телосложения, с короткими стрижками, которые начали взволнованно объяснять мне, что они пришли по рекомендации моих предыдущих клиентов, что сейчас проведен большой ментовский шмон в отношении Солнцева и многих братишек «приняли», в том числе их друга Гену. Они очень просили меня срочно приехать на Шаболовку, в здание РУОПа, где сейчас находится Гена. Кажется, у него взяли пистолет, – добавили они.

Быстро оформив все необходимые документы, я поехал в сторону метро «Октябрьская», где находилось здание РУОПа. Подъехав к зданию, я заметил непривычную картину. То и дело сюда подъезжали машины различных марок, из которых два милиционера выводили одного или двоих коротко стриженных, спортивного вида ребят, прикованных наручниками к рукам милиционеров. Нетрудно было догадаться, что произошла какая-то крупномасштабная операция, в результате которой сюда доставляли задержанных.

Я позвонил по внутреннему телефону человеку, который занимался Геной, и, представившись, попросил встретиться с ним. На другом конце провода произошло замешательство. Наконец мой собеседник ответил:

– Да, вы действительно ему нужны. Пожалуйста, передайте трубку дежурному милиционеру.

Дежурный взял трубку, выслушал распоряжение, кивнул мне головой и сказал:

– Проходите.

Поднявшись на третий этаж, я нашел нужный мне кабинет, где меня ждали. Постучавшись, я открыл дверь и вошел. Кабинет состоял из двух смежных комнат, в одной сидела группа людей в штатском, некоторые из них были без пиджаков, с пистолетами Макарова под мышкой – штатным оружием московских милиционеров. Кто-то из них просматривал бумаги, другие что-то писали. За столом сидел мужчина в пиджаке и заполнял какие-то листы. Напротив него сидел парень в спортивном костюме. Я прошел, обратился к сидящему за столом, назвал себя. Он сказал:

– Все правильно, вы к нам. Только сначала, пожалуйста, предъявите документы.

Я показал ему свое удостоверение, предъявил ордер на ведение дела.

– Вот и ваш клиент, – показал он на парня.

– Гена, – пробурчал тот.

Я наклонился к Гене и прошептал ему, от кого я пришел и кто пригласил меня на это дело. Гена одобрительно кивнул и улыбнулся.

– В чем обвиняется мой клиент?

– Сейчас я вам все покажу.

Следователь заканчивал писать протокол.

Пока следователь писал, я рассматривал своего клиента. Гена был крупного телосложения, на вид лет двадцати пяти – тридцати. Круглое лицо, короткая стрижка, светлые волосы. На лице ссадины, вероятно, следы от полученных им ударов. Ладони крупных рук также были испачканы кровью. Время от времени Гена брал платок и подносил его к губам, из которых сочилась кровь.

Неожиданно Гена обратился к следователю:

– Слышь, начальник, покурить бы!

– Кури, – ответил ему следователь и протянул лежавшую на столе пачку сигарет.

Гена закурил и вопросительно посмотрел на меня. Я обратился к следователю:

– Как мне с вами поговорить?

– Сейчас я закончу, и вы все прочитаете.

Через минуту следователь закончил писать, расписался и протянул мне папку-скоросшиватель, в которой лежало несколько процессуальных документов: протокол обыска, протокол изъятия, протокол задержания и другие документы. Я взял папку и стал читать.

Беседа с Геной, я узнал, что примерно в 12 часов дня в его квартиру, где он находился, – а он проживал в районе Солнцева, – позвонили. Увидев в глазок двоих милиционеров и двоих в штатском, Гена сразу дверь не открыл. Тогда ему сказали, что если он не откроет дверь, то они ее взломают, так как для этого у них есть все основания. Гена не стал испытывать их терпение и открыл дверь. В квартире милиционеры предъявили свои документы и постановление на обыск и стали его проводить. Вскоре они нашли пистолет и несколько патронов.

После такой находки орудия преступления милиционеры стали предпринимать активные действия. Они несколько раз ударили его, требуя признаться, где он прячет остальное оружие, но Гена ничего не сказал. И тут неожиданно к нему пришел его друг, который тут же был задержан и обыскан. К счастью, у него ничего не нашли. Но обоих привезли в штаб на Шаболовку, где подвергли жесткому допросу.

Я еще находился в здании РУОПа, ожидая вместе с Геной санкции прокурора на его арест. Какая-то надежда, что он может быть не арестован, у нас, как всегда, была. Время от времени выходя в коридор покурить, я видел, как все чаще и чаще милиционеры привозили людей, подозреваемых в принадлежности к солнцевской группировке.

Ближе к вечеру приехал оперативник и привез санкцию прокурора на арест Гены. Теперь он стал собираться в следственный изолятор.

Выйдя из здания РУОПа, я увидел, что многих задержанных уже стали отпускать. Они сидели в своих автомобилях на другой стороне улицы и нервно курили сигареты, видимо ожидая своих друзей. Чуть позже мне стало известно, что в результате этой операции было изъято около 30 пистолетов и других запрещенных предметов.

Тогда операция «Закат» против солнцевской группировки наделала много шума. Но, как выяснилось впоследствии, это была не единственная операция против нее.

23 августа в Москве была проведена крупнейшая за последние несколько лет облава на представителей столичной оргпреступности. Операция носила наименование «Закат» и была направлена в первую очередь против мощной солнцевской группировки.

Итог операции «Закат» (из служебной записки)

Операция началась в 5 часов утра. В течение нескольких последующих часов руоповцы посетили свыше ста различных адресов в Москве, Подмосковье и даже в Калужской области. Число задействованных в операции милиционеров составило 481 человек. Число задержанных солнцевских достигло к вечеру 23 человек. Во время обысков было изъято 20 пистолетов, 2 незарегистрированных охотничьих ружья, 4 газовых пистолета, 4 ножа, 700 патронов, а также свыше 250 миллионов рублей и 24 тысячи долларов. Однако специалисты ожидали гораздо больших результатов от этой беспрецедентной облавы. Как выяснилось, из-за утечки информации большинство наиболее интересных для оперативников представителей группировки заблаговременно покинули пределы Москвы, а многие – и России.

Хроника криминальной жизни

Солнцевские и чеченские боевики собрались на улице Миклухо-Маклая, чтобы в очередной раз выяснить отношения. В этом районе, известном многочисленными точками по продаже наркотиков, торгуют кокаином, героином и анашой в основном студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, имеющего здесь несколько общежитий. Первыми разработали и освоили этот рынок чеченская и ингушская группировки. Они начали поставлять студентам наркотики и забирать себе часть прибыли. Кроме того, кавказские бандиты обложили данью и африканских учащихся, которые торговали собственными контрабандными наркотиками. Солнцевских не устраивало такое положение дел, и они не раз предлагали чеченцам поделить доходы от наркобизнеса. Вследствие разборок и борьбы за контроль над торговлей наркотиками уже имело место немало человеческих жертв, в частности в результате поджога одного из общежитий погибли четверо и еще девять человек получили ожоги и ранения. Но на этот раз руповцы не допустили столкновения: из подъехавших к общежитию десятков иномарок были извлечены и положены лицом на асфальт около сорока бандитов.

Братва, не стреляйте друг в друга!

«Братва, не стреляйте друг в друга!» – песню с таким названием впервые исполнил летом 1995 года известный певец Евгений Кемеровский, и актуальность этой песни на фоне всего происходящего почти никем не оспаривалась.

Этот страстный призыв, размноженный на миллионах аудиокассет и озвученный по телевидению, часто заказывали в ресторанах и ночных клубах. Но ни песня, ни сам клип не возымели никакого действия, и братва продолжала убивать друг друга.

Криминальная хроника

Понесла крупные потери и измайловско-гольяновская группировка. В августе был расстрелян ее казначей Миша Китаец, а в сентябре на стадионе «Трудовые резервы» таким же образом поступили еще с двумя членами этого сообщества.

В результате войны внутри армянской группировки в течение трех недель апреля–мая 1995 года были убиты пять человек.

22 ноября в начале десятого вечера настоящее сражение разгорелось на Краснопресненской набережной возле торгового центра «Садко-Аркада». Один из лидеров курганской группировки был внезапно обстрелян двумя неизвестными из автоматов в тот момент, когда он на своем «Линкольне» выезжал с автостоянки. Первые пули попали в «Линкольн», когда расстояние между ним и стрелявшими не превышало шестидесяти метров.

Позже выяснилось, что на курганцев напали бауманцы.

Криминальный расклад

На брифинге в МВД России сообщалось, что в настоящее время в преступной среде обострились противоречия – идет настоящая война за выживание идеологии «старых» и «новых» воров в законе. Эта междоусобица, по оценкам специалистов, закончится победой нового воровского поколения, располагающего гораздо большими материальными ресурсами и связями с коррумпированными чиновниками. Произойдет это через 3–5 лет, когда закончится разделение сфер влияния по национально-территориальному признаку.

Вот лишь сухие цифры этой борьбы: если в 1992 году в России были выявлены 1684 преступные группировки, то только 11 из них в суде были квалифицированы как бандитские. В 1993 году в Москве были ликвидированы 352 преступные группы, в 1994-м – уже 596. Однако криминогенной обстановки в городе это так и не разрядило. Почему? Видимо, потому, что на место ушедших в тюрьмы людей пришло новое пополнение, которое с новым рвением окунулось в романтику бандитских будней. Положить этому конец или хотя бы отвадить часть молодежи от бандитского ремесла можно будет тогда, когда экономическая ситуация в нашей стране примет наконец цивилизованные формы. Когда это произойдет, бандитов просто вытеснят из легального бизнеса, оставив им их исконные ремесла: наркоманию, проституцию, азартные игры и т. д. Скептики утверждают, что в нашем случае это произойдет еще не скоро.

Год 1996

Авторитеты

В конце 80-х – начале 90-х годов в преступном мире Москвы произошла перестройка. Если до этого периода главенствующую роль в преступном мире играли профессиональные преступники – так называемые воры в законе, или законники, – то с начала перестройки в обществе и успешного развития коммерции – кооперативного движения – происходит и перегруппировка среди лидеров столичных группировок. Появляются так называемые авторитеты – «некоронованные» главари группировок. Раньше авторитетами называли лиц, наиболее приближенных к законникам. В новом же понимании авторитет – это лидер группировки, сам создавший себе репутацию в преступном мире.

К моменту появления многочисленных группировок, естественно, возрастает и количество их лидеров. Конечно, все это приводит к появлению так называемых авторитетов. Нельзя сказать, что роль воров в законе снижается. Напротив, многие группировки и структуры имеют воров в законе в качестве консультантов и третейских судей для разборок с другими группировками. Часто к услугам таких людей обращаются различные группировки. Вместе с тем все большее значение имеют авторитеты.

Авторитеты принципиально отличаются от воров в законе по статусу. Большинство из них категорически отрицает воровские понятия и традиции уголовного мира. Есть несколько причин такой позиции. Некоторые из них просто не признаны среди законников – да они и сами не особенно стремятся к такому признанию, другие считают, что они выполняют еще и функции бизнесменов, предпринимателей, а для контакта с политиками, с другими бизнесменами, с представителями иностранных фирм им ни в коем случае нельзя иметь воровское звание, которое для них является компроматом.

В этой связи можно сказать, что именно поэтому многие отказывались от принятия воровских званий – такие, как Сергей Тимофеев (Сильвестр), хотя ему не раз предлагали «короноваться», Отари Квантришвили (Отарик). Конечно, нельзя отрицать, что среди авторитетов существует немногочисленная группа, которая стремится стать ворами в законе, но в силу определенных обстоятельств – нет еще поручительства, или не накоплен воровской стаж (как правило, имеется в виду отсидка на зоне), или по каким-то другим причинам – они не смогли пока добиться воровского звания. Авторитеты – «некоронованные» лидеры преступных группировок и сообществ – должны иметь достаточно влиятельное положение в современном преступном мире.

Нельзя не отметить, что авторитеты по многим позициям значительно превосходят тех же воров в законе. Если мы обратимся к тому, откуда же берутся авторитеты, из какой среды, то мы можем увидеть, что новые авторитеты появляются из благополучной среды.

Так, например, по мнению правоохранительных органов, лидеры некоторых группировок в недалеком прошлом были офицерами Российской армии или воевали в Афганистане.

Многие авторитеты, с которыми мне приходилось общаться, раньше были штатными комсомольскими работниками. Многие работали на должностях руководителей коммерческих фирм. Но, пожалуй, самый большой удельный вес среди сегодняшних авторитетов – это выходцы из профессиональных спортивных организаций, то есть бывшие спортсмены.

Надо сказать, что влияние сегодняшних авторитетов заключается в двух факторах. Прежде всего в умственном развитии – то есть эти люди имеют достаточно большой умственный потенциал, определенные связи не только в криминальном, но и в коммерческом и политическом мире, а также в правоохранительных органах и могут сплотить вокруг

себя определенную группировку. И конечно, фактор силы. На это опираются бывшие спортсмены, лидеры группировок.

Скажем, некоторые солнцевские авторитеты постоянно подчеркивают, что они не являются преступниками, что они не бандиты, они далеки от криминала. Действительно, некоторые из них негативно относятся к криминалу. Конечно, при наличии определенной ситуации, когда возникает какая-либо проблема в их предпринимательской деятельности, в их бизнесе, эти люди не исключают возможности обратиться к тем преступным методам, к каким привыкли, для решения этих проблем. Но они уже перестали быть преступниками в прямом смысле слова, они уже стали «новыми русскими», то есть в большей степени бизнесменами.

Появление авторитетов новой формации, безусловно, отразилось и на положении воров в законе. У них произошел определенный раскол. Часть воров-законников отказалась от так называемых воровских обычаев и традиций – не иметь семьи, имущества, каких-то иных благ. Многие из них стали наполовину коммерсантами, хотя при этом и сохранили свои воровские звания.

Существенное различие между авторитетами и ворами в законе наблюдалось в их психологии. Если ворами в законе, особенно молодому поколению, свойственно, как говорится, налаживание и поддержание связей именно с представителями криминального мира, то есть с теми же ворами в законе, и обычно они живут по принципу «кого знаешь, с кем сидел», то у авторитетов совершенно другой принцип – жить, по возможности не нарушая законы, и иметь связи среди политиков, государственных деятелей, среди крупных банкиров и бизнесменов, среди верхушки правоохранительных органов и депутатов.

Другим увлечением авторитетов, безусловно, становится спонсорство и связи со звездами эстрады. Отсюда известный скандал певицы Азизы и Игоря Малахова, которого правоохранительные органы также относят к авторитетам. Я много раз видел, как происходили встречи и многие авторитеты говорили, что они знакомы с теми или иными звездами эстрады. Нередко я сам видел их в обществе этих людей. Особенно часто это бывает на отдыхе или на концертах и фестивалях.

Основная проблема сегодняшних авторитетов – это, безусловно, борьба за выживание, борьба за власть в тех условиях, в каких они существуют. Даже если они полностью существуют отдельно от криминала, как они утверждают, то борьба за сохранение своих позиций в группировке между ними сохраняется. Не случайно, когда произошла моя встреча с одним из телохранителей известного в прошлом авторитета Сильвестра – он же Сергей Тимофеев, – то телохранитель мне сказал, что в последнее время Сильвестр никому не доверял из своего сообщества и для своей охраны он нанял ребят с Дальнего Востока – двенадцать-четырнадцать человек, которые, впрочем, не смогли спасти ему жизнь, и он был взорван в «шестисотом» «Мерседесе» недалеко от Белорусского вокзала.

После гибели Сильвестра борьба за власть между авторитетами ореховской группировки наиболее ярко видна на примере междоусобной войны 1994—1996 годов.

Наум

Знаменитый скандальный случай с Василием Наумовым, он же Наум, – лидером коптевской группировки, и его охраной из спецподразделения «Сатурн» имел большой резонанс.

С Василием Наумовым я несколько раз встречался и достаточно хорошо его знал. Первая наша встреча произошла около двух-трех лет назад в связи с задержанием одного из лидеров коптевской группировки по кличке Алима. Алима выходил из спортзала в сопровождении своих охранников и был задержан работниками РУОПа, в его одежде нашли оружие. Тогда я встретился с Василием Наумовым, который стал просить меня взять на себя защиту его знакомого Алимы. Но я отказался, так как в тот момент участвовал в непрерывном судебном процессе в Московском городском суде и практически весь рабочий день находился в здании суда. К защите Алимы я порекомендовал одного из своих коллег.

Затем с Василием Наумовым мы встречались несколько раз по делам бизнеса. Он консультировался по многим вопросам коммерческих проектов, приезжал то с охраной из своих людей, то его сопровождало не более двух человек. Но в последнее время я обратил внимание, что он стал приезжать с молчаливыми, грузными людьми. Я даже спросил его как-то:

– Это ваши люди?

Он сказал:

– Да нет, это менты. Мы наняли их для выполнения одного ответственного задания.

Действительно, охранники значительно отличались от других одеждой, выражением лица. Они имели штатное оружие, и в этом было их преимущество в охране авторитетов.

23 января в 17 часов Наум был на тренировке в спортзале в районе Тушина. Затем он вышел, сел в машину с охранниками и поехал в центр. Тут его стали преследовать убийцы. Машину охраны сопровождала белая «семерка», в которой сидели четверо в камуфляжной форме. Наум ехал в район Петровки, 38, на встречу. Он специально делал это, видимо боясь возможной расправы, выбирал место, наиболее безопасное – ведь никто же не решится стрелять у Петровки, 38! Выбрав Успенский переулок, где до Петровки, 38 оставалось 150 метров, Наум остановил машину. Машина охраны находилась немного в стороне. Он стал разговаривать по телефону. В этот момент подъехала вишневая «девятка», стекла опустились, и из двух автоматов начался шквальный огонь. Наум гибнет, гибнет при наличии вооруженной охраны из сотрудников милиции, в 150 метрах от здания Петровки, 38. Все это говорит о том, что звание авторитета необычайно опасно.

Потом погибают такие известные авторитеты, как Леонид Завадский, Федя Бешеный, Сильвестр, и многие другие, которых я не знал. Практически ежемесячно гибнет несколько авторитетов.

Звание авторитета и место лидера группировки становятся опасными для всех.

Авторитеты живут достаточно роскошной и сытной жизнью, у них красивые загородные особняки, виллы за границей, красавицы – все это так. Но существует и обратная сторона медали – следственные изоляторы, тяжелые ранения, морги и кладбища, где их хоронят. Их жизнь бывает скоротечна. Но они сами выбирают эту жизнь.

Изменения в криминальной жизни. Легализация

Скоро в криминальном мире наметилась новая тенденция – легализация деятельности некоторых ОПГ. Многие авторитеты поняли, что находиться под постоянным прессом со стороны своих конкурентов и правоохранительных органов становится невыгодным да и опасным. Гораздо проще стать авторитетными бизнесменами – легализоваться. Возможность легально обладать оружием заставляет лидеров и авторитетов вливаться в ЧОП (частные охранные предприятия) – некоторые из них становятся теневыми владельцами таких ЧОПов.

В этот период в Москве начинались новые процессы. Многие, кого раньше называли бандитами, все ближе подходили к легальному бизнесу. Многие совсем отошли от явного криминала.

Правда, некоторые воры в законе не принимали такие переходы своих бывших подчиненных в ряды бизнесменов. В этой связи широкую огласку получил в те времена конфликт законника Шурика Захара с авторитетом Мжелем. Когда последний открыто занялся легальным бизнесом, законник сказал: «Если коммерс – плати...» Мжель отказался, посчитав, что сам может себя защитить. После этого у него начались неприятности: его несколько раз задерживала милиция за ношение оружия и на него было несколько покушений.

Другой причиной выхода из явного криминала является то, что многие лидеры ОПГ уже накопили весьма значительные суммы денег и теперь, как они считают, настало время вложить их в выгодные проекты. Лидеры ОПГ становятся совладельцами или владельцами коммерческих фирм, банков. Но часто при возникновении споров между партнерами или конфликтов между конкурентами «новые русские» вспоминают свое криминальное прошлое и решают эти споры и конфликты привычным для себя способом.

Банкир Как это было

Большой темно-синий бронированный «Мерседес» шестисотой модели остановился у здания банка ровно в десять утра. Другой «Мерседес», джип пятисотой модели, встал впереди, блокировав часть мостовой, которая вела к банку. Из джипа выскочили несколько человек, одетые в темные костюмы с белыми рубашками и темными галстуками. Они блокировали все подступы к банку. Один из них открыл дверцу «шестисотого» «Мерседеса».

Оттуда вышел мужчина в темном костюме, в голубой рубашке с желтым галстуком.

Мужчина медленно пошел по направлению к банку. Он тут же был окружен мужчинами в черном. Это была его личная охрана. Дойдя так до лифта, мужчина поднялся на третий этаж.

Проходя по длинному коридору, он шел медленно, степенной походкой. Люди, попадавшиеся ему навстречу, услужливо здоровались с ним, называя по имени-отчеству, наклоняя голову в знак приветствия.

Мужчина дошел до конца коридора. На двери висели две таблички. На одной – «Президент». На второй табличке было написано: «Вице-президент Сушков Валентин Алексеевич». Мужчина вошел.

За столом сидела одна секретарша. Мужчина бросил взгляд на второй, пустой стол. Его секретарши еще не было. Первая назвала мужчину по имени-отчеству и сказала:

– Извините, Валентин Алексеевич, ваша секретарша Маша звонила, сказала, что немного опаздывает.

Валентин взглянул на часы, немного нахмурившись, и молча вошел в кабинет.

У входа в приемную остались его охранники.

Войдя в просторный кабинет, состоящий из стандартного набора руководителя банка, Валентин снял пиджак и уселся в большое дорогое кожаное кресло. Первым делом он подвинул к себе календарь, на котором было много различных записей – что сделать, кому позвонить и тому подобное. Это был его распорядок дня.

Затем он медленно повернулся к телефонным аппаратам, стоящим справа на столе, и включил их. Еще раз посмотрев на календарь, выключил телефон прямой телефонной связи.

Неожиданно загорелась красная лампочка селекторной связи. Валентин нажал на клавишу:

– Слушаю!

– Простите, пожалуйста, Валентин Алексеевич, вам по городскому звонит Михаил Васильевич.

– Какой еще Михаил Васильевич?

– Кузьмин.

– Кузя? – чуть было не переспросил Валентин, но вовремя сдержался. – Хорошо, соединяйте.

Валентин снял трубку.

– Алло, Кузя, привет! Как твои дела?

На другом конце он услышал знакомый голос Кузи.

– У меня-то хорошо.

– А почему ты мне по городскому звонишь? – поинтересовался Валентин.

– Так у тебя прямой отключен...

– Как отключен? – Валентин изобразил удивление. – Да, действительно! Секретаршу надо наказать. Не успела со вчерашнего дня подключить.

– Что, вчера переговоры были?

– Да, очень важные.

– Как у тебя сегодня день складывается?

– Нормально. День, как обычно, тяжелый, но встреча, которую мы с тобой запрограммировали на вечер, обязательно состоится.

– Я, собственно, по этому поводу и звоню, – продолжил Кузя. – Я хочу перенести встречу на час раньше. Как у тебя со временем? Сможешь?

– Да, без вопросов.

– И фантики заодно привезешь.

– О чем разговор? Сегодня же наш день, – улыбнулся Валентин.

– Все, тогда до встречи, на старом месте, в том же ресторане.

– Кузя, прости, я забыл, что значит в том же? Ты рыбный имеешь в виду?

– Тебе еще название скажи, чтобы нас менты или фээсбэшники вычислили? Нет, вспоминай, где прошлый раз сидели!

– А, вспомнил! – сказал Валентин. – Все, обнимаю! – И он положил трубку.

Валентин тут же снял трубку внутреннего телефона.

– Начальника финансового отдела!

На другом конце послышался голос молодого парня.

– Алло! Слушаю вас, Валентин Алексеевич!

– Боря, подготовь, пожалуйста, сегодня сумму, которую мы выплачиваем еженедельно нашим учредителям!

– В полном объеме или недельную?

– Что ты мне глупые вопросы задаешь? Я же сказал – в недельном!

– Хорошо, через час все будет готово!

– Сразу зайдешь ко мне с чемоданчиком.

Валентин задумался. Прошло уже больше шести лет с того памятного дня, когда арестовали Кузю и всех остальных членов группировки, когда Валентин совершенно случайно нашел чемоданы с деньгами. Тогда жизнь его могла сложиться по-другому. Конечно же, он стал обменивать деньги в банке Димы, но сумма была настолько велика, что Дима, брат Жанны, не смог обменять деньги в один прием. Поэтому перевод денег в валюту проходил в течение двух недель.

Каждый день Валентин привозил деньги и менял их в банке Димы. Потом, когда все было сделано, Валентин решил уехать. Но все деньги увезти за границу было невозможно. Взяв кое-какие деньги, он поехал на Кипр, рассчитывая, что там положит деньги в банк. Но пребывание на Кипре оказалось безрезультатным. Языка Валентин никакого не знал. Да и потом, допустим, увел он «общак» группировки. Ну и что дальше? Прятаться с этими деньгами по всему миру? Деньги вложить некуда. Да и вероятность, что его найдут бандиты, была велика!

Поэтому, пробыв немного за границей, Валентин вернулся. Он снова обратился к Диме. Дима тогда работал в крупном банке. Валентин пригласил его в ресторан и спросил, сможет ли он покрутить его деньги так, чтобы они постоянно удваивались. Дима сказал, что проблемы не будет.

Валентин привозил ему определенную сумму, а потом, по прошествии определенного срока, Дима возвращал ему эту сумму с процентами. Их сотрудничество продолжалось два года.

Валентин рассчитывал, что нет смысла брать «общак». Наоборот, как только Кузя выйдет – а он выйдет рано или поздно, – Валентин вернет ему эти деньги, и Кузя не посмеет его тронуть. А себе он оставит те проценты, которые накрутил. Расчет был правильный. Тем более суд над членами группировки, которые первоначально проходили по статье 77 УК – «бандитизм», практически провалился. Суд так и не смог доказать, основываясь на показа-

ниях Воробьева, что члены группировки Кузи занимались бандитизмом, поэтому все получили небольшие сроки – кто за наркотики, кто за оружие. Кузя же получил всего пять лет – за оружие и за сопротивление работникам милиции при задержании. Да и то максимальный срок он получил лишь благодаря тому, что имел ранее судимости.

Что касается самого главного провокатора, Сергея Воробьева, то он почему-то странным образом исчез. Ходили слухи, что милиция взяла его под специальную опеку, под действие программы охраны свидетелей. Самое интересное, что в Уголовно-процессуальном кодексе такой статьи не предусматривалось, хотя на практике милиция иногда шла, в порядке исключения, на такое и меняла паспорта и прочие документы тем людям, которые давали показания против бандитов. Поэтому Валентин предполагал, что Сергей Воробьев уже не Воробьев, а носит какую-нибудь другую фамилию и спокойно живет в каком-нибудь тихом городке.

План, который он придумал, полностью себя оправдал. Кузя действительно вышел на свободу, только значительно раньше. Валентин тут же приехал к нему на встречу, и приехал с чемоданом. К тому времени из тюрьмы вышел и коронованный Анатолий Иванович. Увидев чемоданы с деньгами, авторитеты очень обрадовались. Теперь Валентин был у них в полном доверии.

И тогда у одного из них родилась идея создать свой банк. Вот и выступили Анатолий Иванович и Кузя фактическими учредителями банка, хотя формально ими значились совершенно другие люди. Директором банка назначили Диму, так как он был мастак по финансовым делам. А в качестве главного смотрящего и контролера Кузя назначил Валентина. Так он стал вице-президентом банка. Но фактически он был его хозяином. Нет, какое-то время хозяином был Дима, он давал Валентину практические советы, учил его крутить деньги, помогал заводить нужные связи, укреплял отношения с чиновниками. Когда Валентин овладел всей этой наукой, фактически он возглавил банк, а Дмитрий, как президент, был отправлен в так называемую почетную ссылку.

Ему купили виллу на южном берегу Франции, где он постоянно жил, время от времени звоня в банк и приезжая на собрания акционеров.

Размышления Валентина прервал телефонный звонок. Валентин взял трубку. Он услышал голос Жанны, своей жены.

– Ты почему сегодня так рано на работу уехал? – спросила она.

– Так получилось, – сказал Валентин. – Проснулся рано, не спалось, решил поехать в банк пораньше. Куча бумаг накопилась, надо посидеть над ними, подумать, подписать.

– Странно... Я тебе звонила час назад, твой телефон не отвечал.

– А, да, – вспомнив про Машу, сказал Валентин, – я только что прямой телефон включил.

– Ты не забыл, что сегодня пятилетие нашей свадьбы? – сказала Жанна.

– Как? Пять лет уже? С ума сойти! Какой срок!

– Да, пять лет мы с тобой женаты.

– Мне казалось, что я знаю тебя гораздо больше...

– Правильно, мы же с тобой три года до свадьбы встречались. Ты находился в стадии активного ухаживания! А я еще думала...

– Да брось ты – думала! – улыбнулся Валентин. – Ты меня сразу полюбила, как только на дискотеке увидела лет десять или больше назад! Признайся, это так?

– Ну ладно, мы сегодня отпразднуем нашу дату?

– Конечно! Я сейчас заеду в магазин, куплю что-нибудь... Может, то бриллиантовое кольцо, которое тебе понравилось?

– Нет, не надо, оно мне уже разонравилось. Лучше давай поедem с тобой куда-нибудь на острова или брата навестим. Тебе же нужно отдохнуть.

– Да, отдохнуть мне не мешало бы, – согласился с ней Валентин. Потом взглянул на календарь и вспомнил, что сегодня у него назначена встреча с Кузей. . . – Послушай, дорогая, сегодня у нас ничего не получается. Важная встреча!

– И с кем же ты сегодня вечером встречаешься? – подозрительно спросила Жанна.

– С этими, сама понимаешь с кем, с учредителями нашими главными. . .

– О господи! Сегодня разве четверг?

– Да, четверг.

– Надоели они мне все!

– Думаешь, мне не надоели? Но делать нечего, такова жизнь!

– Тогда постарайся прийти сегодня пораньше.

– Это уже как получится, – сказал Валентин. – Ладно, целую тебя! – И он положил трубку.

В кабинет вошла молодая симпатичная девушка лет двадцати двух. Она плотно закрыла за собой дверь, подошла к Валентину и, усевшись к нему на колени, крепко поцеловала его.

– Что вы себе позволяете, Маша? Секретарь вице-президента банка опаздывает на работу! – грозно проговорил Валентин.

– Дорогой, – сказала девушка, лениво потягиваясь, – я же не виновата, что вице-президент банка навещает свою любовницу в восемь утра и будит ее для того, чтобы заниматься с ней любовью в течение полутора часов! А потом нежному созданию нужно было немного помыться, поспать, привести себя в порядок. . .

Валентин улыбался.

– Тебя тут уже Ирина, твоя напарница, выгораживать начала!

– Что ты говоришь!

– Представляешь, я приехал в банк, смотрю на твой стол, а она сразу поняла, что я чем-то недоволен. Она говорит мне: вы знаете, Маша звонила, сейчас она едет на работу, опаздывает!

– Правильная баба! – сказала Маша. – Иногда мне кажется, что она догадывается о наших с тобой отношениях.

– Нет, никто не догадывается. В банке никто об этом не знает. У нас с тобой секретная любовь! – улыбнулся Валентин.

– А что мы сегодня вечером будем делать? Ты приедешь ко мне домой?

– Нет, сегодня я не смогу. Сегодня важные переговоры, встреча. Кстати, сегодня у меня должна была быть встреча с хозяйкой твоей квартиры, – Валентин достал бумажник и отсчитал несколько сотенных долларовых купюр. – Передай ей, это за будущий месяц.

– Ой, когда же ты купишь мне собственную квартиру, чтобы я свила там свое гнездышко?

– А зачем тебе квартира? погоди чуть-чуть, я уйду от жены, и мы будем жить вместе.

– Это уже так долго тянется! Мне кажется порой, что это никогда не произойдет! – сказала Маша капризно.

Но тут зашипел селектор.

– Валентин Алексеевич, – послышался голос второй секретарши, – вам из Минфина звонят. Вы будете говорить?

– Кто звонит?

– Чугунов.

– Да, с Чугуновым буду, – сказал Валентин. Он взял трубку и прижал руку к мембране микрофона. – Маша, оставь меня, пожалуйста, на пять минут! Мне нужно поговорить по очень важному вопросу.

– Хорошо. – Маша встала, выпрямилась и пошла к двери. – Тебе кофе заварить?

– Да, я с тобой вместе потом попью.

Как только Маша закрыла дверь, Валентин сказал в трубку.

– Иван Семенович, здравствуй, дорогой! Приветствую тебя!

Иван Семенович был чиновником Минфина, работающим в управлении, ведавшем ценными бумагами. Валентин давно знал Чугунова и неоднократно покупал с его помощью различные государственные облигации. Потом государство выкупало эти облигации у Валентина, и он получал определенный процент. Все эти бумаги назывались сокращенно ГКО – государственные краткосрочные облигации.

Но особенностью этих бумажек было то, что они практически ничем не обеспечивались. Они были только бумажками, типа долговых расписок государства. А попробуй возьми что-то по этой долговой расписке! Ничего взять нельзя – ни фабрики, ни заводы, ни ресурсы, которыми обладало государство, на эти бумажки не менялись. Поэтому никакой особой силы эти бумажки не имели. В то же время Валентин прекрасно знал, что все крупные банки, входящие в первую двадцатку, обязаны были покупать бумаги ГКО, так как на этом строилась финансовая политика государства. При покупке таких бумаг банки получали определенные льготы, кредиты. Иногда через них государство передавало свои бюджетные деньги. Банки эти деньги прокручивали, получая большую прибыль.

Вот и сейчас Валентину с Чугуновым необходимо было решить важный вопрос закупки этих бумаг. Однако Валентин не хотел покупать их на большую сумму. Чугунову же было выгодно продать через банк Валентина большое количество бумаг. От этого он тоже получал какие-то премии. Но на самом деле здесь велась двойная бухгалтерия. Валентин платил Чугунову определенный процент, комиссионные, за эти ГКО.

Валентин быстро договорился с Чугуновым о деловой встрече. Эта встреча должна была проходить недалеко от банка, в уютном китайском ресторанчике. Поэтому Валентин, договорившись о времени и часе, дал команду дежурному водителю банка, чтобы тот заехал в Минфин, забрал Чугунова и привез его в китайский ресторанчик.

Первую половину дня Валентин посвятил приему сотрудников банка. Время от времени он устанавливал такую процедуру: каждый начальник структурного подразделения приходил к нему с отчетом. В основном эти отчеты касались денег. У каждого были две тетради: одна «белая», другая «черная». По этим тетрадкам начальники заносили в специальные тетради Валентина движение денег за определенный период.

Обычно этот период равнялся двум неделям. Валентин тщательно все отслеживал. Конечно, бывали такие моменты, когда зависал какой-либо остаток или какая-то сумма проваливалась. Тогда Валентин подключал группу поиска, составленную из въедливых аудиторов, которые искали бумаги, отслеживали путь денег по всему маршруту. Иногда деньги просто оказывались в совершенно постороннем банке где-нибудь на Багамских островах, засланные туда по ошибке. Иногда кто-то умышленно направлял деньги на другие фирмы, и у Валентина была специальная служба по переговорам с такими фирмами. Выезжала группа людей для получения своих законных денег. Если переговоры заходили в тупик и ничего из этого не получалось – юристы банка не могли ничего сделать, тогда Валентин подключал так называемые потусторонние силы, которые поставлял не кто иной, как Кузя.

Группа боевиков, а то и профессиональные киллеры выезжали к несговорчивому банкиру, который присвоил их деньги. Тогда разговор был очень коротким...

Но Валентин старался не вникать в деятельность потусторонних сил. Ему и так надоело его прошлое, связанное с люберецкой качалкой, с рэкетом и всеми бандитскими делами и разборками. Оно казалось ему настолько далеким, чужим, будто это была не его жизнь. Теперь он хотел другой жизни – жизни нормального банкира.

Единственным, кто напоминал ему о его прошлом, был, конечно, Кузя.

Кузя все время тянул его обратно. По крайней мере, так казалось Валентину при каждой встрече с ним.

Валентин перевел взгляд на фотографию своей жены, стоящую на столе. Жанна была сфотографирована на одном из приемов, в вечернем платье, с бриллиантами. Валентин задумался. Странная штука жизнь! Та маленькая девочка, которая понравилась ему так давно, за которой он так долго ухаживал и имел дела с ее братом, наконец, с которой вступил в законный брак...

По идее, он должен быть счастлив с ней. Но на самом деле счастья у них не получилось. Разные они оказались. Да и жена жила своей жизнью, в которую он особо не вникал. Постепенно они отдалялись друг от друга. Правда, отдыхать ездили вместе. А так у каждого была своя жизнь. Жанна жила сначала в московской шестикомнатной квартире, затем, когда они купили загородный коттедж, переехала туда. Там она проводила почти все время.

Часто она выезжала в Москву за покупками, иногда встречалась с подругами и зависала в Москве почти на целый день.

Потом появилась Маша, племянница знакомого предпринимателя, который попросил Валентина устроить ее на работу. Как все получилось, для Валентина до сих пор остается загадкой. Маша, несмотря на свои девятнадцать лет, была достаточно опытной в любовных делах. Она очень быстро расставила свои сети так, что непонятно, кто из них кого соблазнил.

Валентин до сих пор не мог понять, как это он на второй или третий день работы Маши у него оказался с ней в постели. А там Маша действительно была королевой, которой не было равных. Поэтому, конечно, Валентин полностью отдалился от Жанны и увлекся Машей.

Рабочий день подошел к концу. Встреча с Чугуновым ничего нового не дала. Были обговорены объемы покупки ГКО, сроки их погашения и доля, которую получал Чугунов от этой операции. После этого Валентин вернулся в банк.

В приемной его ждал начальник финансово-расчетной части, которому с утра Валентин заказал деньги. В руках начальник держал небольшой черный чемоданчик.

– Ну что, принес? – спросил Валентин.

Начальник отдела кивнул головой.

– Давай.

– Я хотел еще с вами переговорить, – сказал начальник отдела.

– Погоди, времени нет. Давай завтра, сегодня день тяжелый!

Валентин плотно закрыл дверь за начальником отдела и повернул ключ, чтобы никто, ни Маша, ни другие сотрудники, не вошли неожиданно в кабинет. Взяв чемоданчик, он подошел к столу и раскрыл его. Там лежало около трехсот тысяч долларов – еженедельная доля, которую банк передавал Кузе и Анатолию Ивановичу. Валентин подержал деньги в руках. Да, Кузя давно отыграл те деньги, которые остались в чемоданах у Сергея Воробьева. Валентин выплатил уже сверх той суммы еще половину. Сколько же можно платить этим людям? Времена откровенного бандитизма закончились, теперь у него много знакомых, в том числе генералов из силовых ведомств, а он этому Кузе до сих пор платит такие деньги!

«Больше миллиона в месяц плюс различные платежи по ценным бумагам! Эх, избавиться бы от этого дела!» – думал Валентин.

Посмотрел на часы. Нужно было собираться на встречу с Кузей. Взяв чемодан и вызвав охрану, Валентин через несколько минут сел в свой бронированный «Мерседес» и направился в сторону того ресторанчика, где он обычно встречался с Кузей.

К ресторану он подъехал точно в назначенное время. Поднявшись на второй этаж, Валентин заметил табличку на дверях, на которой было написано: «Санитарный час», но дверь тут же открылась, и оттуда, словно увидев Валентина, выскочил метрдотель.

– Валентин Алексеевич, вас ждут! – Он услужливо распахнул дверь. – Эта табличка не для вас!

Валентин усмехнулся, вспомнив свое прошлое, когда он видел такую табличку на дверях люберецкого кафе, где проходили «стрелки» и «сходки». Валентин прошел в зал. Там, в углу, сидел Кузя. Чуть поодаль от него – его телохранители.

Кузя за это время очень изменился. Не было уже откровенного бандюка, одевавшегося по моде той эпохи, Кузя теперь был похож на деятеля искусств или на мецената. На нем был дорогой пиджак от Версаче, такие же дорогие темные брюки и темная рубашка.

Валентин, увидев Кузю, улыбнулся. Ему стало смешно. Во-первых, от того, как резко Кузя преобразился. По стилю его одежды нельзя было догадаться, что Кузя как был бандитом, так бандитом и остался. Во-вторых, Валентин прекрасно знал историю этого костюма, рубашки. Дело в том, что Кузя никогда не имел вкуса. В заграничных поездках, в которые Кузя иногда отправлялся вместе с Валентином, он подходил к магазину, находя на витрине более или менее понравившийся ему манекен, требовал, чтобы манекен немедленно раздели, и эту одежду он покупал.

Таким образом, Кузя автоматически обходил проблему подбора гардероба.

Валентин подошел, протянув руку Кузе. Кузя встал, традиционно обнял Валентина и поцеловал его.

– Садись, Валентин! Ты, как всегда, точен! – сказал он.

– Банковские работники этим и отличаются! – улыбнулся Валентин.

– Мы в принципе тоже не хуже банковских работников! – намекнул Кузя на свое криминальное прошлое и настоящее.

Валентин придвинул к нему чемоданчик с деньгами.

– Это ваше.

– Мерси, – сказал Кузя. – Сколько тут?

– Сколько полагается, – ответил Валентин.

– Отлично! Ну что, какие проблемы?

– Сегодня встречался с чиновником из Минфина, опять уговаривает купить бумаги ГКО.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Я хотел с тобой об этом поговорить. А что, сегодня Анатолия Ивановича не будет?

– Анатолий Иванович в отъезде, сегодня я и за него, и за себя, – улыбнулся Кузя. – Что тут думать? Надо покупать. Давай мы пришлем тебе «бабки» на следующей неделе.

– Смешно получается: я вам вожу «бабки» по четвергам, вы мне в понедельник их возвращаете!

– И что же тут смешного? Ты же банкир, должен понимать, что «бабки» не должны лежать в сейфе или в чулке. Они должны работать. Так что все нормально. Какую сумму тебе привезти и под какой срок ты с этой минфиновской крысой договорился?

– Почему же он крыса?

– Как же, он же наши «бабки» законные стрижет!

– А ты что, хочешь, чтобы он бесплатно работал?

– А что? Может, устроить ему пару встреч с моей братвой? – улыбнулся Кузя, показав на столик, за которым сидели несколько мордovorотов. – Запросто! Может, он и бесплатно будет с нами работать! Ты сколько ему платишь?

– Да ладно, – махнул рукой Валентин, – он эти деньги полностью отрабатывает. Не рушь схему, Кузя, я тебя очень прошу!

– Ладно, ради тебя это делаю! Хотя, честно говоря, на эту крысу у меня давно уже руки чешутся! Да, Валентин, я вот еще о чем хотел с тобой поговорить, – добавил Кузя. – Я в последнее время думаю о том парне. Помнишь, коммерсант с тобой был, Воробей его звали?

– Сергей Воробьев? Конечно, помню. Тот самый, который вас всех сдал.

– Да, именно он. Сдал и «общак» наш заныкал!

– Погоди, но я же тебе весь «общак» вернул, даже с лихвой!

– Ты мне его вернул, а не он!

– Как же он мог его тебе вернуть, если он вас сдал и после этого был под охраной ментов? – удивленно сказал Валентин.

– Ты знаешь, пусть это покажется тебе смешным, но в последнее время меня преследует одна мысль. Я хочу найти этого гада и рассчитаться с ним полностью, – неожиданно произнес Кузя.

– И что?

– Да в том-то и дело. Ничего не получается. Я уже всю ментовку люберецкую протряс, деньги ребятам отослал, чтобы те с ментами поговорили.

– А они?

– Ты же видишь, почти весь состав люберецкой ментовки сменился. Молодые его, естественно, не знают, а стариков кого нашел – кто говорить не хочет, а некоторые не в курсе. А я им верю.

– Да плюнь ты на это дело, Кузя! – сказал равнодушно Валентин. – Сколько времени прошло! Пора уже забыть!

– Понимаешь, не могу! Может, к старости дело идет, может, сентиментальность какая-то... Но я иногда ловлю себя на мысли – те пацаны, которых он вместе со мной заложил, которые чалились по всем этапам, по зонам, смотрят на меня удивленно: что же ты, Михаил Васильевич, никак не можешь разобраться с какой-то комсомольской крысой?

– Что, прямо так и говорят?

– Нет, они так не говорят, они так смотрят.

– А ты, значит, их мысли читаешь?

– Я тоже в этом мире кое-что значу. Если ты на бумажках деньги делаешь, то у меня чутье и психология не хуже твоих, – сказал Кузя обиженно. – К тому же моя история, которую я люблю рассказывать ребятам, что сейчас работают со мной в группировке, затыкается на этом фраере.

– То есть как?

– У меня вроде все складно получается – качалка, мокруха, тюрьма, бригады люберецкие... И тут бах – комсомольский вожак, крыса, Воробей! И он мной не наказан. Молодые слушают мой рассказ и не понимают этого. Короче, это дело принципа.

Валентин улыбнулся:

– Знаешь, Кузя, я понимаю тебя. Но чем я могу тебе помочь?

– Как чем? Ты очень многим можешь помочь!

Валентин удивленно взглянул на Кузю.

– Ты женат на сестре Димы, президента нашего банка. Кстати, он является твоим формальным начальником. А Дима всегда дружбу с Воробьем водил. И я не верю, чтобы он не знал, где Воробей!

– А если Воробья зашифровали где-нибудь в Урюпинске или в Узбекистане? А может, он за границей живет? Как мы его достанем?

– А это уже мои проблемы. Я его из-под земли достану! Короче, вот что я подумал. Сейчас выходные приближаются, ты слетай к своему председателю, Диме. Где он там отдыхает – в Ницце или в Монте-Карло? Слетай к нему и попробуй пробить его на предмет Воробья. Только чтобы безо всяких разводов! Я чувствую, а интуиция меня редко подводит, что Воробей где-то рядом, здесь. А я буду устраивать свой параллельный поиск. И еще вот что, Валентин. Ты меня никогда не обманывал. Не разочаруй меня и сейчас, не обмани в этой ситуации, ладно? Я тебя очень прошу! – Кузя на прощание похлопал Валентина по плечу.

Новый начальник МУРа

Новым начальником МУРа с октября 1996 года стал Виктор Голованов, выходец из 2-го убийного отдела МУРа. В. Голованов был хорошим профессионалом и знал работу в МУРе от «а» до «я». В то же время для него характерен жесткий авторитарный метод правления. В. Голованов проработал в должности начальника МУРа по февраль 2000-го. Сняли его из-за тогдашней политической борьбы за контроль над ГУВД между министром МВД В. Рушайло и мэром Москвы Ю. Лужковым. В результате такой борьбы В. Голованов покинул свой пост вместе с начальником ГУВД Николаем Куликовым. Однако в 2003 году в разгар скандала дела «полковников МУРа» его снова приглашают на должность начальника МУРа.

Криминальная хроника

1 февраля, Москва: были убиты члены химкинской преступной группировки Егорцев, Гаврилов и Синельников.

6 февраля, Москва: в зале игровых автоматов произошла очередная бандитская разборка, жертвами которой стали члены солнцевской преступной группировки. Убиты Олег Бахмачев и некий Федор, ранен Анатолий Фуков.

3 июня, Москва: убит член мытищинской преступной группировки Дмитрий Куваев, более известный под кличкой Дрон. В теле убитого насчитано 7 пулевых ранений.

7 июня, Москва: совершено покушение на кандидата в вице-мэры столицы префекта Южного административного округа города Валерия Шанцева. Радиоуправляемое взрывное устройство, заложенное у подъезда дома, где проживает Шанцев, сработало в 7.55 утра. Шанцев получил осколочные ранения и в тяжелом состоянии отправлен в больницу.

29 июня, Москва: двумя неизвестными из пистолетов «люгер» и «ПМ» убиты два члена казанской преступной группировки В. Бочкарев и Э. Габдрахимов.

30 июня, Москва: двумя выстрелами в голову убит владелец нескольких ресторанов Тенгиз Гвелисиани.

9 июля, Москва: погиб один из авторитетов северной преступной группировки Сергей Ляшук. Он был убит тремя выстрелами в живот из пистолета «ТТ».

10 августа, Москва: в результате бандитской разборки был убит из автомата преступный авторитет Сергей Голованов. Вместе с ним были убиты двое его спутников.

12 августа, Москва: произошла бандитская разборка, в результате которой был убит Антон Павлинов и Андрей Пироженко – оба члены гольяновской преступной группировки.

5 сентября, Москва: было совершено покушение на Самвела Мардояна. Его «Линкольн» был обстрелян из автомата. Мардоян и его жена были ранены. Милиции Мардоян известен как авторитет ореховской преступной группировки по кличке Гамлет.

13 сентября, Москва: в ночь с 12 на 13 сентября прогремел мощный взрыв. Погиб житель г. Архангельска Александр Привалов, который принадлежал к курганской преступной группировке. Позже в отместку за убийство Привалова был убит другой преступный авторитет – куратор вещевого рынка ЦСКА архангельский авторитет по кличке Пакет.

16 сентября, Москва: произошла крупная бандитская разборка, в результате которой были убиты Алексей Балашов и Николай Дзanelевский. Андрей Жаков в тяжелом состоянии отправлен в больницу. Все трое состояли в пушкинской преступной группировке.

18 ноября, Москва: был убит неоднократно судимый Рауль Гогелава. 50-летний вор в законе пользовался большим авторитетом в грузинской преступной группировке.

2 декабря, Москва: был убит активный член ореховской группировки, бывший боксер Валерий Ландин (Толстый).

Президентские выборы и криминал Лебедь

Летом 1996 года произошли президентские выборы. Один из претендентов на звание президента России, отставной генерал Александр Лебедь, широко известный своей молдавской эпопеей, был назначен президентом секретарем Совета Безопасности с широчайшими полномочиями. Помимо основной деятельности, которая сводилась к урегулированию чеченского конфликта, Лебедь неожиданно для всех стал заниматься борьбой с организованной преступностью. Тогда я уже получал информацию, что генерал Лебедь стал часто встречаться с другим генералом – Рушайло, тогдашним начальником Московского РУОПа. Лебедь, давая очередные интервью, не раз говорил о том, что в течение короткого времени он может полностью ликвидировать преступность, для начала – в Москве.

Преступный мир чутко реагирует на все изменения в политике и тактике государственной борьбы с организованной преступностью. Мне еще памятли летние выступления генерала Лебеда как секретаря Совета Безопасности, когда он, с экранов телевизоров говоря о борьбе с организованной преступностью, вдруг бросил грозный взгляд и сказал свое знаменитое: «Бойтесь!» Тогда произошел определенный шок. Многие уголовные авторитеты спешно покинули страну. Некоторые мои клиенты стали звонить мне, предлагая встретиться для обсуждения этого высказывания Лебеда и ожидаемых репрессивных мер в отношении их. Практически весь криминальный мир находился в шоке и ожидал, что вот-вот начнет действовать мясорубка репрессий, перемалывая всех подряд безо всякого разбора.

И как гром среди ясного неба принимается указ, в дополнение к существующему указу, – о борьбе с организованной преступностью в Москве и Московской области. Как потом ходили слухи, указ этот являлся основной базой для целого ряда профилактических мер, которые условно были названы «Московский эксперимент». Иными словами, спецслужбы разработали специальный комплекс жестких мер, направленных на борьбу с организованной преступностью в Москве и Московской области. Естественно, об этом узнали представители братвы, и очень многие мои авторитетные клиенты стали звонить мне, назначая встречи и обсуждая один и тот же вопрос: что это за указ, на что он направлен, что нам грозит? Может быть, нам лучше пока уехать из страны? Практически у всех в глазах был страх, замешательство и нерешительность. Мне ничего не оставалось, как по просьбам многих из них достать текст этого указа.

Я обратился к своим знакомым депутатам Государственной думы, и через несколько дней указ был у меня на столе. Внешне он ничего нового не открывал, но в то же время я знал, что существовало специальное закрытое, секретное приложение к указу, в котором, очевидно, раскрывалась вся суть указа. Теперь уже трудно говорить о том, что входило в это секретное приложение, что не входило, но тот случай, который произошел с одним из моих клиентов, является ярким примером событий тех дней.

В тот период произошло резкое ужесточение деятельности милиции. Задержания, обыски и облавы стали проводиться в более жесткой и бескомпромиссной форме. Например, как говорили мне два моих клиента, их задержали на основании указа о борьбе с организованной преступностью как принадлежащих к одной из московских группировок и тут же вывезли в район пригорода Москвы. Спецназовцы достали из своих машин лопаты и заставили их рыть ямы. Когда мои клиенты поинтересовались, для чего они это делают, спецназовцы ответили: как для чего – для могил, мы вас сейчас будем расстреливать. От них требовали, чтобы они подписали чистосердечное признание в принадлежности их к организованной преступности и к одному из бандитских формирований Москвы. В случае же отказа, сказали им, мы вас расстреляем, закопаем и все спишем на мафиозную разборку.

Моих клиентов подвели к ямам, спецназовцы передернули затворы, и – раздались выстрелы. Но, как оказалось, была устроена провокация. Патроны были холостые. Но представьте себе психологическое состояние после такого эксперимента!

Конечно, никаких доказательств этой акции нет. Вероятно, работники милиции отрицали бы свою причастность к этому. Но возникает вопрос: зачем моему клиенту придумывать такую легенду? Позже этот эпизод, описанный в одной из моих книг, удачно позаимствовали авторы успешного сериала «Бригада».

Спустя некоторое время я сам в какой-то мере оказался жертвой этого эксперимента. Так получилось, что в конце лета у меня произошла встреча с двумя моими клиентами по вопросам бизнеса. Встреча была назначена в одном из кафе, находящихся в районе Нового Арбата. Мы заказали обед, и я консультировал своих клиентов по тем или иным интересующим их вопросам. Впоследствии я узнал, что два моих клиента являются лидерами двух разных группировок и они решили совместно провести одну коммерческую операцию.

В зале, где мы обедали, никого не было. Когда обед был закончен и все вопросы были решены, мы хотели встать, чтобы уйти. Вдруг в пустой зал вошли четыре или пять коротко стриженных здоровых ребят. Увидев моих клиентов, они радостно замахали руками: привет, братва! Все направились к нашему столику. Тут в двери быстро вошли несколько человек в гражданской одежде, с пистолетами в руках и сказали:

– Братва, стоять!

Знакомых моих клиентов построили вдоль стены, заставив стоять с поднятыми руками, широко расставив ноги. Сотрудники РУОПа стали быстро их обыскивать, а двое направились к нашему столику. У меня возникло чувство страха. Место нашей встречи выбрал я. Мои клиенты являлись лидерами двух группировок, и могло возникнуть подозрение, что я их просто сдал. Мое состояние невозможно передать. Был страх не из-за того, что нас обыщут, арестуют. Я боялся, что арестуют моих клиентов и потом могут подумать, что я к этому причастен.

Подойдя к нам, один из сотрудников попросил предъявить документы. Один мой клиент достал какую-то кредитную карточку со своей фотографией, другой – пропуск в ночной клуб «Станиславский». Руоповец молча взял документы и стал рассматривать их, дав понять, что это не документы. Я достал свое адвокатское удостоверение и уверенным голосом сказал:

– Эти люди со мной!

– Все понятно, нет проблем, – сказал оперативный работник. – Вы можете быть свободны.

Мы тут же покинули зал. Мои клиенты вышли веселые и удовлетворенные. Они радовались, хлопали меня по плечам. Я поинтересовался:

– Это за вами?

– Да нет. Скорее всего, это казанских отслеживали. Мы завтра позвоним, узнаем, как у них дела, – сказал один.

– Вот видите, как получилось! – произнес я. – Я очень боялся, что вы можете подумать на меня...

– Да что вы! Мы вам доверяем! Напротив, мы бы вас с удовольствием возили бы с собой на подобные встречи, раз ваше магическое удостоверение действует на них!

– Нет, такие встречи мне больше не нужны! – отшутился я. – С меня и одной хватит!

Но зарекался было рано. Через два месяца я был приглашен на день рождения своего клиента, московского бизнесмена. День рождения проходил в одном из фешенебельных московских ресторанов, назвать который я сейчас не могу, чтобы не портить его репутацию. В отдельном банкетном зале собралось человек 50—60. В основном это были бизнесмены, а также, вероятно, представители их «крыш». Это были атлетического телосложения ребята

с короткими стрижками. Примерно половина присутствующих были женщины – подруги, жены.

Праздник проходил достаточно весело, столы были хорошо сервированы, заказаны были экзотические блюда. А гости все прибывали. Вошел мужчина в обыкновенном сером костюме. Его лицо показалось мне очень знакомым. Я спросил своего знакомого бизнесмена:

– Кто это?

– Ну как же! Вы должны его знать. Это сотрудник одного из московских изоляторов. Да, я много раз видел его, только в военной форме.

Потом появились еще знакомые мне люди. Приходили шумно, с подарками, желали успехов юбиляру.

Примерно в середине вечера входные двери резко открылись, и в зал вошли человек десять-двенадцать, частично в гражданской, частично в камуфляжной форме.

– Всем оставаться на местах! Московский РУОП! – приказали они присутствующим.

Естественно, за столами тут же воцарилась тишина. Сразу несколько сотрудников построили мужчин и женщин вдоль стен и стали проверять документы, проводя одновременно и личный досмотр. Ни у кого ничего не нашли, кроме одного человека, который находился в розыске и которого тут же забрали. Для всех остальных эта процедура закончилась благополучно.

Потом, через два-три дня, я узнал, что у другого моего знакомого бизнесмена, который открыл пиццерию и у которого по этому поводу собралась шумная компания – только бизнесмены, – также побывал РУОП. Положили всех на пол, обыскали и покинули помещение. Слава богу, при этом никто не пострадал, никого не забрали, ничего не разрушили, ничего не украли. Но такая практика существовала.

Неприятным моментом в жизни московского криминала, безусловно, является задержание. Задержание для них, по их словам, опасно не тем, что они могут быть избиты, покалечены, а тем, что им могут подбросить какое-либо орудие преступления, наркотики или оружие.

Конечно, нельзя отрицать, что братва уже научилась умело сбрасывать свои стволы в момент задержания их милицией, так что потом это оружие практически никогда не находят. Они научились прятать свои «вольны» в безопасных местах автомобиля. Бывали случаи, когда в таких машинах, которые несколько дней находились в отделениях милиции и тщательно просматривались, оружия так и не находили. А потом, когда машины выдавались обратно, оружие в них находилось – теми, кто его прятал, конечно.

Проблема подброса предметов преступления существовала всегда. Вспоминается фильм «Место встречи изменить нельзя», когда опытный начальник отдела по борьбе с бандализмом МУРа капитан Жеглов подкидывает кошелек, до этого удачно сброшенный, ворурецидивисту Кирпичу. Возникает вопрос о его неправомерных действиях, о нарушении им закона. Но в то же время и сотрудников милиции можно понять, хотя мы совершенно не одобряем этого: иногда операция тщательно разрабатывается, затрачивается много усилий, человека задерживают, а он умелым приемом избавляется от предмета преступления. Вот и возникает такая ситуация – возврат того, что ты сбросил раньше.

Один мой клиент, опытный в этих делах, приобрел себе специальную спецодежду для встреч. Как-то он пригласил меня к себе в офис. Я приехал к нему, мы посидели, выпив кофе, разговорились. Он попросил меня присутствовать при одной очень важной, на его взгляд, встрече, которая, как он чувствовал, может закончиться для него достаточно плачевно.

– В каком смысле? – поинтересовался я. – Могут убить?

– Да нет, этого не случится. Могут арестовать. Поэтому я прошу меня подстраховать.

– А как же я буду подстраховывать, в каком эпизоде?

– Просто надо быть рядом и наблюдать.

Мы договорились. Затем он встал и сказал:

– Пойду переоденусь. Нужно надеть спецодежду.

Через несколько минут он вышел в обычном костюме. Я поинтересовался:

– Это и есть спецодежда?

– Да, – ответил он.

– А в чем же ее отличие от обыкновенного костюма?

– Да вот, посмотрите. Положите мне в карманы что-нибудь!

Я попытался это сделать и обнаружил, что все карманы, как в брюках, так и в пиджаке, были тщательно зашиты прочными нитками. Таким образом, возможность положить что-либо в эту одежду полностью исключалась.

Мы вышли из офиса и сели в автомобиль. Впереди сидел водитель. Машина тронулась. Я спросил моего знакомого:

– А что, действительно, ты специально зашиваешь карманы, избегая провокаций со стороны ментов?

– Конечно. У меня есть печальный опыт, – ответил он. – Года три назад при одной из таких встреч мне просто подложили в карман немного наркотика. После этого даже адвокат мне не помог, и мне дали два года. Отсидел, освободился, теперь взял за правило – ходить на встречи только с зашитыми карманами.

Вскоре мы подъехали к одной из гостиниц. Там уже была его охрана на машине. Они помигали нам передними фарами. Мы молча вошли в здание гостиницы, я сел за столик вместе с водителем, а наш собеседник с зашитыми карманами сел недалеко от стойки, где его ждал, видимо, один из партнеров. Они поздоровались и о чем-то заговорили. Вскоре по рации, которая лежала на нашем столике рядом с водителем, я услышал сообщение:

– Братва прибыла на двух машинах.

– Понял тебя, браток, – ответил водитель и пошел докладывать старшему.

Вошли два рослых парня, лет 25—30, в черных костюмах с черными водолазками. Массивный золотой браслет, а у другого большой золотой перстень бросались в глаза. Они молча подошли, сухо поздоровались, сели за столик, где сидел мой клиент. Между ними завязался разговор. Можно было догадаться, что шел раздел влияния в какой-то коммерческой структуре. Вероятно, оба представителя группировки являлись «крышей» одного или двоих коммерсантов, и им необходимо было договориться между собой об определенной доле, получаемой с этой коммерческой структуры. Разговор носил неровный характер. Иногда друзья переходили на жесткие тона, иногда незнакомцы вскрикивали, и я видел знакомые жесты, характерные для воровского мира. Вероятно, эти люди относились к категории «синих» – приверженцев воровских традиций.

Наконец, разговор закончился, судя по всему, благоприятно, они похлопали друг друга по плечу, как бы закрепляя достигнутую договоренность, и хотели было уходить, как вдруг в зал вошли еще два человека. Лицо моего клиента с зашитыми карманами резко напряглось. Он бросил вопросительный взгляд в сторону водителя. Вероятно, водитель имел еще и функции охранника. Тот тоже удивленно развел руками. Возникла небольшая пауза. Двое незнакомцев направились к столику, где сидели наши собеседники, поздоровались с моим клиентом и отсели за соседний столик вместе с людьми в черных костюмах. Наверное, это была другая встреча у партнеров по общему коммерсанту.

Мой клиент с зашитыми карманами встал и направился к выходу. Мы вышли вслед за ним. Сев в машину, я спросил:

– Ну как, все прошло благополучно?

– Как видите, – ответил он. – Просто в конце, когда явились эти двое, я подумал, что пришли менты опять нас брать. Но, вероятно, у них ничего не получилось.

Я шутя сказал ему:

– Вот видишь, твое предчувствие не оправдалось.

– Да нет, интуиция меня не подвела, наверное, у них там какая-то накладка произошла, – ответил он.

Я потом долго думал над его репликой. То ли он имел информацию, что его задержат правоохранительные органы, то ли он действительно интуитивно чувствовал, что его могут арестовать, но это так и осталось загадкой.

Прошло время, и тут неожиданная новость потрясла многих. Были отправлены в отставку основные борцы с организованной преступностью – генерал Лебедь и генерал Рушайло. Лебедю были предъявлены претензии в создании незаконного формирования. Действительно, в последнее время генерал Лебедь, настойчиво пропагандируя свои формы борьбы с организованной преступностью, много говорил о необходимости создания специального воинского подразделения, состоящего из бывших работников КГБ, МВД, не связанных с коррупцией. Подразделение условно должно было называться «Русский легион» и иметь в своем составе примерно 50 тысяч человек. Не знаю, по каким причинам, но тут же последовала реакция министра внутренних дел Анатолия Куликова, который обвинил Александра Лебеда в попытке узурпировать власть, создать незаконное воинское формирование. Может быть, какие-то причины и не стали достоянием гласности.

В скором времени генерал Лебедь был отправлен в отставку. Что характерно, спустя некоторое время генерал Анатолий Куликов, министр внутренних дел, также высказал идею специального подразделения по борьбе с организованной преступностью, создания аналогичного воинского формирования. Тогда его не поддержали, так как в недрах ФСБ и МВД уже существовали специальные подразделения: Главное управление по борьбе с организованной преступностью – РУОП – и другие. Создавать еще какое-то подразделение, видимо, руководство страны не посчитало целесообразным.

После отставки Лебеда генерал Рушайло работает какое-то время советником у тогдашнего председателя Совета Федерации Егора Строева. Затем Рушайло становится министром МВД, но через некоторое время уступает свой пост Грызлову, а сам переходит в Совет Безопасности.

Депутатские крыши и корочки

Одно время было очень модно авторитетам иметь корочки «помощник депутата». В 94–96-м годах считалось, что эти корочки – атрибут любого авторитета, они давали ему ряд преимуществ.

Некоторые депутаты ГД активно торговали такими корочками, суммы колебались от 1000 до 5000 тыс. долларов, якобы эти деньги шли на нужды фракции. На самом деле наличие этих корочек никакого влияния на статус его обладателя не оказывало. Наоборот, гаишники, сотрудники уголовного розыска или РУОПа, видя корочку «помощник депутата», сразу говорили: «А, это криминалитет!»

Другим раскрученным бизнесом для некоторых депутатов ГД становится так называемая депутатская поддержка – это депутатский запрос или письмо по поводу освобождения из-под ареста или прекращения уголовного дела. Многие авторитеты наивно верят, что с помощью таких запросов и писем можно повлиять на следствие. Но, как показывает практика, это выброшенные деньги, в лучшем случае депутату приходит ответ из правоохранительных органов – формальная отписка.

Депутат

– Да были дела, раньше, по молодости, пересекались, – уклончиво ответил Валентин, намекая на свое бандитское прошлое. – Отпишу-ка я ему «малышечку». Ты его сможешь найти?

Я пожал плечами.

– Если ты скажешь, кому передать, то найду.

– Хотя нет, – неожиданно сказал Валентин, – есть у нас один человек, который нам очень много должен. Пускай он работает. Ему это сделать будет гораздо проще. А к жулику пока не буду обращаться – может быть, потом более серьезная ситуация возникнет.

– Что это за человек такой?

– Говоришь, около Госдумы с Павлом встречаться будешь? – сказал задумчиво Валентин.

– Да, в баре напротив.

– Хорошо. Езжай пораньше на встречу. Я запишу тебе номер телефона, – и Валентин записал цифры, – позвонишь, спросишь Сергея Ивановича Удальцова.

– А кто это? – поинтересовался я.

– Один депутат Госдумы, человек с большими связями. Он там трется все время, по линии МВД, с генералами шашни заводит. Я думаю, ему мой перевод в изолятор Москвы сделать будет нетрудно. Кстати, намекни ему, чтобы сделал мне одиночку. Хоть книжки там спокойно читаю...

– А с чего ты решил, что он будет тебе все это делать?

– Я же сказал – он мне очень много должен.

– Деньги, что ли, большие?

– Нет, посерьезнее, чем деньги. Спас я его... – сказал Валентин.

– Ты какими-то загадками говоришь, – улыбнулся я, – интригу закручиваешь... Ладно, я сделаю все, как ты сказал.

– погоди, я все же черкану пару записочек, чтобы более убедительно было. И я вот что хочу тебя попросить. Ты ничего по моему делу ему не говори.

– Так он же наверняка будет спрашивать?

– Конечно. Но ничего конкретного не говори. Скажи, что ты не особо в курсе, что ты как бы на вторых ролях адвокат. А первую роль Паша выполняет.

– А Пашу он знает?

– Нет, не знает. Скажи, что он – первый адвокат, а ты просто его помощник.

– Хорошую ты мне позицию выбираешь, – улыбнулся я. – Я в помощниках хожу!

– Нет, он догадается... Да и наверняка он про тебя слышал. Не надо никаких помощников. Просто уклончиво скажи – мол, торопишься на встречу, потом подробно все расскажешь. Скажи, главное – пускай это сделает.

Валентин написал короткую записку. Читать ее я не стал, а быстро положил в карман.

– Я тебя очень прошу – сделай все это до встречи с Пашей, – попросил Валентин. – Сейчас нельзя время терять. Черт его знает, что они задумали... И еще вот что. У тебя есть листок бумаги с ручкой? – добавил он, почему-то повысив голос.

– Конечно, есть, – я полез в карман.

– На всякий случай, я напишу заявление в прокуратуру.

– Ты напишешь заявление в прокуратуру? – удивился я.

– Да, – Валентин стал говорить еще громче. Я понял, что эта информация была предназначена для стен, в которые могли быть вмонтированы микрофоны. – Я хочу написать,

что жить собираюсь долго и кончать жизнь самоубийством не собираюсь. К тому же я очень осторожен и никаких несчастных случаев не допущу. Как ты думаешь, такой текст пойдет?

– Да, пойдет. – Теперь уже я взглянул на потолок – пусть знает администрация изолятора, что мы готовы ко всему. Безусловно, это не вариант, но, может быть, кого-то это все же остановит...

Валентин быстро написал заявление и протянул мне.

– Если что, то дашь ему ход, – добавил он.

– А что я могу сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.